

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотечка

ПО НАУЧНОМУ
СОЦИАЛИЗМУ

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ

ЗА ЧТО И КАК
БОРОТЬСЯ?

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1959

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ

ЗА ЧТО И КАК
БОРОТЬСЯ?

Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:
А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
Н. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

С именем Юлиана Мархлевского (1866—1925) связана целая эпоха в истории борьбы польского рабочего класса за социализм.

1885 год был нелегким годом для революционного движения в Польше. Царская охранка разгромила партию «Пролетариат», возглавляемую Людвиком Варынским (1856—1889), одним из первых польских пропагандистов научного социализма. Однако борьба продолжалась. Именно в этом году в ряды революционных марксистов вступил молодой Ю. Мархлевский, который всю свою последующую жизнь отдал революционной борьбе и стал выдающимся деятелем рабочего движения. Мархлевский имеет заслуги в истории борьбы за победу социализма не только в Польше, но и в Германии: он был одним из основателей Союза Польских рабочих (1889), партии Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (1893), Коммунистической партии Польши (1918), одним из руководителей «Союза Спартака» в Германии. Он был также активным деятелем КППГ и РКП(б) и соратником таких выдающихся борцов за социализм, как Ф. Дзержинский и Б. Веселовский, Р. Люксембург и К. Либкнехт, К. Цеткин и Ф. Меринг.

Юлиан Мархлевский хорошо понимал жизненное значение нерушимого союза польского и российского пролетариата для судеб Польши и ее социалистического будущего. «...Русский рабочий,— писал он в органе СДКПШЛ «Справа Роботнича»,— брат наш в страданиях и товарищ

по борьбе». Всю жизнь Ю. Мархлевский был верен принципам пролетарского интернационализма. В 1923 году им было, например, внесено предложение о создании Международной Организации Помощи Борцам Революции (МОПР).

Буржуазно-демократическая революция 1905 г. застала Мархлевского в Германии, где он редактировал орган СДКПиЛ «Червоны Штандар». Возвратившись в Польшу, он борется за революционное единство польских и русских пролетариев. В капун первой мировой империалистической войны он изложил свои интернационалистические идеи в брошюре «Война и революция» (1913). Только пролетарская революция и социализм, писал он, положат конец войнам и межгосударственным распрям. Мархлевский присоединил свой голос к призыву большевиков на Циммервальдской конференции: превратить войну империалистическую в войну гражданскую.

В 1916 г. германские империалисты бросили Ю. Мархлевского в тюрьму, а затем в концлагерь. Он был освобожден только спустя два года *. Несмотря на то, что здоровье Мархлевского было подорвано царскими и кайзеровскими тюрьмами, он по приезде в Россию со всей энергией включился в работу по укреплению молодой Советской власти. Одновременно он поддерживал живой контакт с коммунистическим движением в Польше, которая в результате Октябрьской революции и подъема польского революционно-освободительного движения обрела самостоятельность, но попала затем под пяту националистической реакции. Мархлевский был, по выражению В. Гомулки, одним из «духовных вождей Коммунистической партии Польши» **.

Когда произошла ноябрьская революция 1918 г. в Германии, Ю. Мархлевский выехал в Берлин, а затем в Рурский промышленный район. Вместе с вождями немецкого пролетариата Р. Люксембург и К. Либкнехтом он боролся за социалистическое будущее Германии. Горняки Рура спасли его от лап наступавшей контрреволюции и помогли благополучно возвратиться в Советский Союз.

* Освобождение Ю. Мархлевского было обусловлено при подписании Брестского договора.

** Доклад В. Гомулки на торжественном заседании по случаю 40-летия Коммунистической партии Польши 16 декабря 1958 г. в Варшаве. «Правда» от 22 декабря 1958 г.

Особенно ярко проявился пролетарский интернационализм Ю. Мархлевского, когда буржуазная Польша напала на Советскую Россию. Он страстно разоблачал агрессоров, активно участвовал в переговорах о прекращении военных действий, а когда Красная Армия вступила в ходе войны на польскую территорию, возглавил Временный комитет революционной Польши, куда вошли также Феликс Дзержинский и Феликс Кон.

Известно, что СДКПиЛ, активным деятелем которой в течение всего существования этой партии был Ю. Мархлевский, допускала ошибки в понимании национального вопроса. Деятели партии хорошо видели и сознавали тот факт, что национально-освободительная борьба поляков в конце XIX в. потеряла свое прежнее общеевропейское значение, которое было свойственно ей в середине XIX в. Но из этого факта, проанализированного В. И. Лениным в его знаменитой статье «Национальный вопрос в нашей программе» (1903), руководители СДКПиЛ сделали ошибочный вывод, будто лозунг самоопределения наций неверен.

В подобной ошибке в какой-то мере повинен был и Ю. Мархлевский. Следует, однако, подчеркнуть, что его революционно-интернационалистическая деятельность значительно способствовала социальному и национальному освобождению польского народа. Он настойчиво боролся против национал-реформизма правого крыла ППС, идеологи которого (Недзялковский и др.) сеяли в польском народе недоверие и вражду к рабочему классу России, подменяя идеи социализма буржуазно-шовинистической программой. В этой борьбе Ю. Мархлевский проявил себя как подлинный патриот своей Родины, хорошо видевший и понимавший, что путь к действительной свободе польского народа лежит через создание и укрепление пролетарской, социалистической России.

В 1921 г., после того, как было отбито нападение пилсудчиков на страну Советов, Ю. Мархлевский написал брошюру «Пролетарская Россия и буржуазная Польша». Из содержания брошюры вытекает, что социализм и пролетарский интернационализм для Мархлевского — нераздельные понятия. И это помогло Мархлевскому конкретно подойти к анализу практических путей разрешения национального вопроса внутри Польши. Это было фактически преодолением того отрицания роли национально-освободи-

тельных движений как активного резерва в борьбе за социализм, которое было свойственно воззрениям Р. Люксембург, а отчасти и других деятелей руководства СДКПиЛ.

В этой брошюре Ю. Мархлевский предсказывал, что политика польских империалистов может только погубить независимость Польши. Он горячо верил, что эта политика потерпит крах, а перед польским народом откроется социалистическое будущее.

В данной брошюре Ю. Мархлевский, следуя ленинским идеям, указывает на Советы как политическую форму социалистического государства. За три года до этого в Эссене он распространял ту же идею среди горняков и металлургов Рейнской области. Немецкие коммунисты издали его брошюру, специально посвященную этому вопросу: «О системе Советов».

Для Юлиана Мархлевского понятия «социализм» и «наука» были спаяны неразрывно. Он рассматривал науку в тесной связи с политической борьбой, ибо был ученым-революционером. Свою докторскую диссертацию в Цюрихском университете Мархлевский посвятил истории экономических учений («Физиократизм в старой Польше», 1896). И затем в течение многих лет он основательно занимался вопросами политической экономии, гражданской и экономической истории Польши (труды: «Социально-экономические отношения на польских землях под властью Пруссии» в 1903 г., «Антисемитизм и рабочие» в 1913 г., «Очерки истории Польши» в 1916 — 1917 гг. и др.). Свою задачу марксиста-ученого он видел в том, чтобы внести ясность прежде всего в такие проблемы, решение которых может способствовать успешной борьбе за социализм.

В разносторонней теоретической деятельности Ю. Мархлевского значительное место занимали экономические исследования, в которых он уделял большое внимание борьбе против буржуазных и ревизионистских экономических теорий. В книге Ю. Мархлевского «Политическая экономия» (1902) разоблачалась лживость утверждений Бернштейна о «социалистических» функциях финансового капитала. Значительное внимание в своих теоретических исследованиях Мархлевский уделял национально-колониальному вопросу в условиях эпохи империализма и пролетарских революций и проблемам империализма вообще.

Мархлевский был выдающимся популяризатором марксизма и теории научного социализма в особенности. Вопросы теории и конкретной политической борьбы всегда были неразрывно связаны в его работах. Проблемы научного социализма в его теоретической и публицистической деятельности выступали прежде всего как вопросы успешного осуществления пролетарской социалистической революции, стратегии и тактики партии в ходе революции и непосредственно после установления революционной власти. Современные ревизионисты марксизма в Польше противопоставляют теоретическим работам польских революционных марксистов, в том числе Мархлевского и деятелей КПП изыскания Людвика Кшивицкого (1859—1941), как якобы более «научные» и «обстоятельные». Однако для Кшивицкого социализм оставался чисто теоретическим вопросом, как и для легальных марксистов. Это неизбежно отразилось в отрицательном смысле на самом понимании Кшивицким социализма, как чего-то схематичного и весьма абстрактного (см. статьи Л. Кшивицкого «Социализм и крестьянство» (1884), «О социализме» (1888) и др.).

Во время революции 1905 г. Ю. Мархлевский написал брошюру «За что и как бороться?», изданную в Кракове в «Социал-демократической библиотеке», «Червоны Штандар». Эта работа, как и вторая, более поздняя — «Империализм или социализм?», — также помещенная в настоящем издании, представляет собой исключительно яркий документ политической борьбы за социализм. Обе эти работы печатаются на русском языке впервые. Они содержат в себе рассмотрение таких важных вопросов научного социализма, как соотношение экономических и политических форм борьбы рабочего класса, соотношение насильственного и мирного путей низвержения капитализма. Мархлевский обосновывает здесь марксистские тезисы о неизбежности классовой борьбы в буржуазном обществе, об освободительной миссии пролетариата и раскрывает роль социалистической идеологии в политическом просвещении рабочего класса, в осознании им своих коренных интересов и противоположности их интересам буржуазии.

В брошюре «За что и как бороться?» Ю. Мархлевский разъясняет рабочим, что только социализм положит конец бедствиям и нищете трудящихся масс и обеспечит

счастливое будущее человека. Но социализм не придет автоматически: его нужно завоевать организованной и сознательной практической борьбой. Утверждениям ревизионистов Ю. Мархлевский противопоставляет ясный и недвусмысленный вывод, что пролетарские интересы и интересы капиталистов не удастся примирить. Таковы главные мысли, развиваемые Ю. Мархлевским в данной работе.

В период, когда писалась эта работа, Ю. Мархлевский еще не преодолел свойственную СДКПиЛ недооценку роли крестьянства как союзника пролетариата в буржуазно-демократической, а затем и в социалистической революции. Поэтому он ошибочно утверждал, что «в борьбе с царизмом рабочий класс может рассчитывать только на свои собственные силы», и полагал, что пролетарии обретут союзника в лице крестьянства лишь после пролетаризации последнего. Не вполне критически, как легко может убедиться читатель, Мархлевский относится в этой связи и к учению Фердинанда Лассаля, который в несравненно более резкой форме отрицал возможность союза пролетариата и крестьянства. Да и позднее, в 1921 г. Мархлевский писал, что крестьянские массы, не являясь активной революционной силой, лишь в будущем, в лице сельской бедноты и притом после длительной пропаганды и агитации станут на сторону социализма.

Единство социалистической теории и практической политической борьбы в деятельности Мархлевского ярко проявилось в критике им оппортунизма Бернштейна, которую он связывал с критикой меньшевистского оппортунизма в политике. В статье «Десять лет ревизионизма» (1908) он писал, что в политическом отношении «не вперед ведет дорожка, на которой плутают, ревизуя основы научного социализма бернштейнщины, но назад». В. И. Ленин в своем письме от 7.X.1910 г. дал положительную оценку критике Мархлевским меньшевистского оппортунизма. Позднее, в 1920 г. В. И. Ленин высоко оценил анализ Мархлевским причин кризиса II Интернационала в аграрном вопросе*.

Во время первой мировой войны Ю. Мархлевский боролся против германских социал-шовинистов, разоблачая их лживый политический лозунг так называемого «воен-

* См. В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 31, стр. 129.

ного социализма» (они утверждали, будто борьба за социализм в условиях войны между капиталистическими державами должна заключаться в поддержке своего правительства в интересах «преуспевания нации»). Разоблачению вредоносной сущности «военного социализма» была посвящена статья Ю. Мархлевского «Военный социализм в теории и практике».

В 1912 г. Ю. Мархлевский пишет работу «Империализм или социализм». В ней не менее удачно, чем в брошюре «За что и как бороться?», соединены воедино экономический и политический анализ. Мархлевский вполне справедливо доказывает, что империализм есть канун социалистического преобразования общества. Доказательство этого тезиса имело большое значение для пропаганды научного социализма.

Правда, в оценке колониальных захватов Юлиан Мархлевский отчасти следует Розе Люксембург. Он усматривает в них форму «бегства от социализма», предпринимаемого капиталистами, которые устремляются в страны некапиталистической среды, способные будто бы полностью поглотить перепроизводство капитала. Однако в целом Мархлевский был несогласен с ошибочными взглядами Розы Люксембург по вопросу об империализме.

В отличие от Р. Люксембург, считавшей империализм только политическим выражением накопления капитала, то есть экспансией за пределы метрополии в любой исторический период развития капитализма, и тем самым отождествлявшей империализм с колониализмом, Ю. Мархлевский видит в империализме особую историческую стадию экономической эволюции капитализма, его последнюю ступень в завершении его длительной истории, конец которой кладет социалистическая революция. Таким образом, Ю. Мархлевский приближается к действительно научному, ленинскому взгляду на сущность империализма.

В работе «Империализм или социализм» Юлиан Мархлевский предстает перед нами как пламенный интернационалист-революционер, борец за мир между народами и освобождение человечества от угнетения и эксплуатации.

Борьбу Юлиана Мархлевского за распространение идей научного социализма и претворение их в жизнь продолжили в Польше 20-х—30-х годов деятели КПП — Адольф Варский, Мария Кошутская-Костшева, Юлиан Леньский,

Эдвард Прухняк, Ежи Рынг, Стефан Руднянский и другие.

Спустя двадцать лет после смерти Мархлевского Народная Польша, сбросив с себя ярмо гитлеровских захватчиков и отечественных капиталистов и помещиков, прочно вступила на путь социалистического строительства. В наши дни идеалы и чаяния Юлиана Мархлевского последовательно претворяются в жизнь. Польская Объединенная Рабочая Партия ведет польский народ к светлому социалистическому и коммунистическому будущему.

И. Нарский

ЗА ЧТО И КАК БОРОТЬСЯ?

ВСТУПЛЕНИЕ

Политика вероломства и насилия привела царизм к войне с Японией. Из-за капиталистических прибылей и в интересах правящей клики Россия стремилась захватить Маньчжурию и Корею. Дело шло о завоевании новых земель, из которых фабриканты и купцы могли бы извлекать обильные прибыли, а чиновники безнаказанно красть. Но здесь столкнулись интересы российского самодержавия и русского капиталистического класса с интересами Японии; началась страшная резня, вспыхнула одна из наиболее кровавых в мировой истории войн. Жертвами этой войны оказались прежде всего рабочие; сотни тысяч людей во всем российском государстве были оторваны от семей и посланы на Дальний Восток, на войну, на верную смерть, их послали в бой не за национальное, не за народное дело, а за дело тех, кто угнетает этот народ. Еще более усилилась нищета рабочего народа, который даже в обычные времена стонет под жестоким гнетом, и переполнилась чаша терпения. В рабочем классе, во всем огромном российском государстве закипело: эксплуатируемый, угнетаемый рабочий восстал против цепей. В январе 1905 г. в Петербурге забастовали рабочие, требуя хлеба, повышения заработной платы, сокращения рабочего дня. Но рабочие понимали также, что немного им поможет, если на время они заставят фабрикантов пойти на уступки, что победа может быть прочной только тогда, когда они завоюют политические права: они напрямую потребовали от правительства политической свободы, конституции.

Чтобы выразить эти требования, тысячи рабочих пошли к Зимнему дворцу поговорить с царем. Пошли без оружия, с мирными намерениями, веря в то, что слово правды должно быть услышано и выслушано. Но ошиблись! На безоружных напали царские палачи и расправились с ними. Выстрелы, которые раздались в день 22 января * в Петербурге, явились новым доказательством, что у царизма, у любого правительства народ не может выпросить свободы, он должен ее завоевать. Этот урок поняли и те из русских рабочих, которые не утратили еще до того времени веры в царя — и с этого момента они встали в ряды рабочей армии, давно уже шаг за шагом борющейся с царизмом и буржуазией за свободу.

Гром петербургских выстрелов вызвал мощное эхо и у нас в Польше. На их гул поднялся польский рабочий народ в Варшаве, в Лодзи, в Ченстохове, в Домброве Гурничей, почти во всех промышленных центрах. Это была замечательная демонстрация рабочей солидарности: в тот момент, когда русский рабочий народ поднялся против царизма, польский рабочий народ, угнетаемый тем же царизмом, заявил о своей готовности к совместной борьбе.

Каковы же цели и средства этой борьбы? На этот вопрос мы хотим дать ответ в этой брошюре.

1. ЗА ЧТО БОРЕТСЯ РАБОЧИЙ КЛАСС?

В борьбе с царизмом и с буржуазией мы хотим завоевать для себя, для всего рабочего класса лучшие условия жизни. Освобождение рабочего класса, ликвидация политического гнета и экономической эксплуатации — это наша конечная цель. Причину нищеты рабочих давно уже выяснила наука, и рабочий класс никогда и нигде, если он не хочет сбиться с правильного пути, не может действовать в любом случае иначе, как в соответствии с этими выводами науки. Напомним их кратко. Причина нищеты заключается в том, что рабочий является *пролетарием*, а это значит, что рабочий не может существовать иначе, как только продавая свою рабочую силу, поскольку он не владеет теми орудиями труда, при помощи которых осуществляется в настоящее время производство. Эти

* 9 января по старому стилю. *Ред.*

орудия производства сегодня неизмеримо производительней, чем те, которыми люди работали в прошлом. Но эти орудия труда, обрабатываемая земля, фабрики, машины, шахты, железные дороги, суда и т. п. находятся во владении относительно небольшой горстки людей — капиталистов. Рабочие-пролетарии вынуждены продавать свою рабочую силу этим капиталистам, получая от них заработную плату. Но последняя настолько мизерна, что ее едва хватает на самые скромные жизненные потребности, поэтому рабочий класс остается в вечной нужде. Своим трудом рабочие создают все богатства. Человеческий труд с каждым днем становится все более производительным. Сравнивая настоящую эпоху с минувшими, мы видим, что количество продовольствия, количество всяких благ несоизмеримо возросло, что все необходимое людям для удовлетворения их жизненных потребностей добывается легче, нежели прежде. Но эти накопленные богатства остаются собственностью капиталистического класса: капиталисты накапливают миллионы за миллионами, роскошь, в которой они живут, становится непомерной, рабочий же класс от этого роста богатств ничего не выигрывает. Наоборот, его положение скорее относительно ухудшается, поскольку доля, которая из общего богатства, из общей продукции приходится ему, становится меньшей.

Из этого положения нет иного выхода, кроме *ниспровержения капиталистического строя и замены его социалистическим строем*. Социалистический строй — это такая общественная система, при которой все орудия труда, земля, равно как и фабрики, машины, инструмент, жилые дома будут принадлежать не отдельным лицам, а всему обществу. Тогда все люди будут трудиться и делиться плодами этого труда, никто не будет иметь возможности эксплуатировать кого-либо, каждый отдаст обществу свою рабочую силу, будет работать в соответствии со своими силами и способностями, а взамен получит при справедливом распределении столько необходимых для жизни продуктов, сколько общество может дать. Давно уже научно доказано, что при таком строе количество богатств возрастет в огромной степени, поскольку человеческий труд не будет напрасно растрачиваться, как это делается сейчас, поскольку можно будет в любой момент сосредоточить неисчислимые человеческие силы там, где они наиболее производительны.

Нищете и эксплуатации будет положен конец только при социалистическом строе. Поэтому конечной целью рабочего класса, который при капиталистическом строе обречен на нищету и эксплуатацию, является и должен быть социализм.

Но пока капиталистический класс имеет за собой силу, он без борьбы не отречется от своего привилегированного положения. Нам никто не может преподнести в дар социализм, мы должны его завоевать. Только рабочий класс может его завоевать, и борьба идет уже давно, идет каждый день. Эта борьба двойная — экономическая и политическая.

Рассмотрим каждую из них в отдельности.

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Рабочий-пролетарий получает от капиталиста заработную плату, потому что не имеет другой возможности содержать себя, кроме продажи своей рабочей силы. Рабочий заинтересован, чтобы эта заработная плата была наиболее высокой, капиталист заинтересован в том, чтобы она была как можно меньшей. Отсюда непрерывная борьба за заработную плату. Одновременно идет борьба за продолжительность труда, за продолжительность рабочего дня. Чем продолжительней за определенную заработную плату работает рабочий, тем больше производит он товаров, тем большей оказывается прибыль капиталиста. Если бы фабриканты и помещики могли, они наверняка заставили бы рабочих ежедневно работать по 24 часа без перерыва! История дает бесчисленное количество примеров, что там, где рабочие не оказывали никакого сопротивления, их принуждали работать по 16 и 18 часов, оставляя лишь время на сон, чтобы люди могли выдержать труд; об отдыхе, кроме часов сна, не было и речи. Но потребовались десятки лет, чтобы фабричные рабочие убедились, что сокращение рабочего дня имеет для них огромное значение, гораздо большее, чем повышение заработной платы. Рабочие убедились в том, что только тогда, когда рабочий, кроме работы и времени, необходимого для сна, может отдохнуть, почитать или сговориться с товарищами, и только тогда он перестает быть бессмысленным, безвольным рабом, только тогда он сможет накопить энергию для сопротивления против эксплуатации. Сегодня

лозунг восьмичасового рабочего дня широко распространен среди рабочих.

Как в борьбе за повышение заработной платы, так и в борьбе за сокращение рабочего дня рабочие почти во всех странах завоевали значительные победы. Однако эти завоевания они должны защищать со всей энергией, потому что капиталисты, где только могут, стараются снова снизить заработную плату, продлить рабочий день.

Экономическая борьба ведется также за больничные кассы, за страхование рабочих на случай увечья, либо по старости. Ведь ясно, что если рабочий, работая у предпринимателя, теряет здоровье или возможность зарабатывать себе на жизнь, то предприниматель обязан возместить ему ущерб. Далее, экономическая борьба касается и условий, в которых осуществляется труд. Рабочие должны добиваться и добиваются того, чтобы все опасности, угрожающие их здоровью и жизни, были устранены, насколько это возможно. Наконец, к экономической борьбе также относится защита от эксплуатации детей и женщин.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Но эта экономическая борьба почти всегда неразрывно связана с политической борьбой. Ведь речь идет о том, что уступки, с таким трудом завоеванные рабочим классом, только тогда становятся прочными, когда чрезмерная эксплуатация запрещается законом. Законы же в государстве окончательно устанавливают законодательные власти. При этом уже само ведение экономической борьбы зависит от законов, существующих в государстве. Следовательно, мы должны кратко остановиться на существе *государства*, его роли в классовой борьбе и *формах политической борьбы*.

Государство всегда находилось и находится на службе у господствующего класса. Прежде господствующим классом было дворянство, и государство было представителем только этого класса. В интересах дворянства осуществлялась власть как в прежней Речи Посполитой Польской, так и в Пруссии и России, в которых господствовал абсолютизм, — городской рабочий и сельский люд угнетался как там, так и тут. Случались столкновения между королевской властью и дворянством за влияние, за господство, но это не меняло сути дела. С возникновением капитализма класс горожан, буржуазия, класс представителей

капитала завоевал власть, завоевал ее — это мы подчеркиваем — в кровавых революционных битвах против королей и дворянства.

Революция в XVII веке в Англии, французская революция на исходе XVIII века, революция 1848 года в Германии — это были революции, в ходе которых буржуазия обосновывала свое господство. Ныне эта буржуазия отрекается от революции и отказывается от своего прошлого, ибо сегодня революция обращается против нее. Эти кровавые революции закончились победой буржуазии, потому что рабочий народ был на ее стороне. Этот рабочий народ в благородном порыве проливал свою кровь за свободу, за «всечеловеческие права», бился с королями и дворянством в надежде, что добьется лучшей доли для себя. Его обманули! Буржуазия, завоевав права для себя, наложила на народ новые цепи, взвалила ему на шею новое ярмо.

В большинстве буржуазных государств правление приняло конституционную форму. Это значит, что правление в этих государствах перестало быть самодержавным, власть монарха ограничена конституцией. Такая конституция состоит в том, что население избирает своих представителей в парламент; эти представители устанавливают законы и решают, какие и кто должен платить налоги, а также на что должны быть использованы собранные деньги. Эти представители населения принимают решение о призыве в армию, о том, как долго должны служить солдаты, они решают вопросы о школах, о строительстве железных дорог, об организации почт и телеграфов, они также принимают решения о фабричном законодательстве, о правах, которыми пользуются рабочие, например, о праве на забастовки, о праве на собрания. Словом, правительство должно считаться с постановлениями, принятыми представителями населения, все юридические отношения между гражданами данного государства регулируются при участии этих представителей.

Таким образом, рабочий народ в этих конституционных странах, принимая участие в выборах, имеет возможность избирать своих представителей, защищающих его интересы, старающихся провести такие законы, которые полезны для народа. Но в большинстве государств избирательное право ограничено; например, разрешено голосовать только тем, кто настолько богат, что платит высокий

налог, или рабочие голосуют по отдельным «куриям», избирают только нескольких представителей, в то время как буржуазия и дворянство, несмотря на то, что их меньшинство, избирают большее число представителей и таким образом представители рабочих остаются в меньшинстве; они не могут провести законы в пользу своего класса. Но даже там, где избирательное право равно для всех, представители рабочих остаются в меньшинстве. Ибо, во-первых, экономическая мощь буржуазии является причиной того, что рабочие опасаются избрать представителей, которые защищали бы их интересы; рабочий, избирающий рабочего депутата, должен опасаться, что фабрикант лишит его заработка; во-вторых, как полиция, так и другие государственные власти стараются всеми средствами избрать депутатов, желательных для правительства. Третьей и самой, по всей вероятности, важной причиной того, почему рабочий люд не может использовать в свою пользу конституционные права, является темнота этого рабочего люда, его легковерие, отсутствие понимания собственных интересов. Буржуазия стремится к тому, чтобы удержать народ в темноте, помогают ей в этом и попы всех вероисповеданий, которые туманят сознание народа, помогают ей и другие всякого рода мошенники и прежде всего газетчики, которым платят за эти услуги. Поэтому даже в Германии или во Франции, где действительно право голосования является всеобщим, равным и тайным, рабочие еще и ныне избирают буржуазных депутатов, которые обманывают их, приманивая к себе во имя патриотизма либо во имя религии, а потом защищают только собственные интересы и интересы капиталистического класса. Вот почему, например, в Германии в первые годы конституции избирали всего лишь несколько рабочих, социалистических депутатов, и только неутомимая агитация социал-демократов способствовала тому, что число представителей рабочих начало возрастать. Сегодня, когда немецкому парламенту 35 лет, число социалистических депутатов возросло до 78 (всех депутатов в немецком парламенте — 397).

Таким образом, в парламентарных государствах рабочие имеют право голоса и избирают своих депутатов. Депутаты эти критикуют правительство, критикуют деятельность властей, публично вскрывают всяческие подлости, совершенные по отношению к рабочим; эти

депутаты могут также иногда помешать изданию какого-либо закона, вредного для рабочего класса, они могут иногда и протолкнуть какой-нибудь закон, обеспечивающий некоторые выгоды рабочим, но это участие рабочего класса в парламентской деятельности ничуть не меняет существа дела. Несмотря ни на что, эти государства являются буржуазными государствами, и власть в них осуществляется в интересах господствующего класса — буржуазии. В интересах этого класса содержатся огромные армии как для захватнических целей, так и для удержания в ярме народных масс; в интересах этого класса налоги устанавливаются так, чтобы главную тяжесть свалить на рабочих; в интересах этого класса содержатся церкви, а все исполнительные власти (полиция и другие) стараются помешать рабочим пользоваться принадлежащими им формально правами, как, например, правом на забастовки, правом на собрания и т. п.; в интересах этого класса и народное образование систематически удерживается на низком уровне, школы служат для того, чтобы внушать детям из народа покорность, вбивать в них патристические и религиозные предрассудки, они дают лишь столько знаний, сколько нужно для того, чтобы будущий рабочий был способен к труду, но не столько, чтобы научить его мыслить самостоятельно. Словом, в любом направлении мы видим, что власть осуществляется в интересах господствующего класса.

Если рабочий класс и имеет в буржуазном государстве определенные права, то эти права он должен был завоевывать в постоянной борьбе. Кровавые революции минувших веков обеспечили, как мы сказали, господство буржуазии, но и рабочим, которые фактически сражались с абсолютизмом, эта буржуазия была вынуждена сделать некоторые уступки. Позднее рабочие, пользуясь этими правами, старались шаг за шагом добиваться дальнейших уступок. Несмотря на все препятствия, ширится в рабочем классе ощущение классовых интересов, социалистическая идея проникает все глубже в массы. Одновременно рабочий класс возрастает численно, поскольку крупная промышленность поглощает сотни тысяч, миллионы людей, которые были прежде мелкобуржуазными ремесленниками или крестьянами.

Первые зачатки рабочего движения были невыразимо трудны, они сопровождались бесчисленными жертвами.

Но непрерывная эксплуатация, непрекращающийся капиталистический гнет приводят к тому, что все большее число рабочих начинает понимать свое положение, начинает понимать, что их интересы и интересы капиталистов никогда не удастся примирить. *Возрастает сознание своего угнетения, и вместе с этим чувство собственного достоинства, возрастает классовое сознание.* Каждый сознательный рабочий становится заклятым врагом капиталистического строя и начинает распространять это сознание среди своих товарищей по работе, а развитие крупной промышленности, сосредоточение тысяч и десятков тысяч в одном фабричном городе, на одном заводском предприятии, облегчает эту работу по распространению сознания. Возникают многочисленные рабочие организации, рабочие партии, социал-демократические партии, которые ведут неустанную борьбу с буржуазией и буржуазным правительством. Эта борьба ведется в парламентарных государствах прежде всего «легальным» путем, это значит: социал-демократические партии стараются использовать существующие законы для убеждения пассивных до сего времени народных масс во вредности, несправедливости, неразумности существующих учреждений, в необходимости замены их другими. *Агитация и организация, внесение сознания и организация масс — вот задача.* Политические и экономические организации стараются всеми средствами добиваться уступок в пользу рабочих — уступок экономических и политических. С одной стороны, добиваются увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, охраны здоровья и безопасности труда рабочих, с другой — добиваются расширения прав рабочих, упрочения законодательным путем экономических завоеваний.

Будет ли борьба в этих конституционных государствах вестись по-прежнему только таким путем, или же рано или поздно дело дойдет до кровавого столкновения между рабочим классом и буржуазией, между рабочими, стремящимися к социализму, и армией, находящейся на службе капиталистического правительства? Никто на этот вопрос с уверенностью ответить не сможет. Действительно, мы видим, что под моральным давлением социал-демократической партии буржуазия делает почти во всех конституционных странах некоторые уступки рабочему классу, но мы видим также и то, что во многих государствах правительство и буржуазия совершают непрерывные

посягательства на права народа, стараются вырвать у рабочих уже завоеванные ими права. В Англии и Германии, например, непрерывно возобновляются попытки ограничения права на забастовку, во Франции и Италии проведен закон, сделавший невозможными забастовки на железных дорогах, в Германии продолжаются посягательства на избирательное право (в Саксонии уже ликвидировано всеобщее голосование на выборах в сейм). Буржуазия делает некоторые уступки рабочим лишь в надежде на то, что таким путем, частично удовлетворяя требования рабочих, она ослабит их ненависть к существующему порядку, отвлечет их от социалистического идеала. Реакционные же посягательства на избирательное право являются результатом страха перед быстрым прогрессом рабочего движения. Не подлежит сомнению, что без борьбы буржуазия не уступит своих позиций и пока она имеет на своей стороне силу, она будет защищать свои интересы до последнего.

Подобные посягательства на права рабочих, на права народа еще возможны сегодня в конституционных странах, потому что сознание собственных интересов среди рабочего класса еще слишком слабо, потому что миллионы рабочего люда безразличны к политическому гнету, потому что темнота народных масс слишком велика. Это отсутствие сознания, эта темнота масс составляют в настоящее время силу капиталистических правительств и класса капиталистов. Но неутомимая агитация социал-демократов делает свое дело: классовое сознание, политическое просвещение масс возрастают. И можно с уверенностью сказать, что придет время, когда социал-демократы будут в огромном большинстве, когда подавляющее большинство населения будет добиваться свержения капитализма и создания социалистического строя. Тогда для правительств и буржуазии останется лишь одна защита: армия.

Следовательно, вопрос, произойдет ли такой переворот путем кровавой борьбы или же без такой борьбы, сводится к тому, могут ли правительства и буржуазия опираться на вооруженную силу — на армию.

Но армия, солдаты — это в огромном большинстве те же самые пролетарии, это сыны народа, взятые прямо от плуга и молота. Следовательно — пролетарии под ружьем, пролетарии в мундирах становятся единственной опорой господствующего класса против работающих про-

летариев?! К сожалению, этот расчет никогда еще до сих пор не подводил господствующий класс. Даже в республиканской Франции, даже в демократической Швейцарии еще в последние годы случалось, что солдаты стреляли в своих братьев-рабочих, когда те бастовали. Но, чтобы поверить, что такое положение будет продолжаться вечно, нужно потерять веру в то, что человек является созданием, одаренным разумом. Наоборот, мы должны и можем быть уверены в том, что по мере того, как будет расти и расширяться чувство классового сознания, в каждой рабочей семье подрастающие дети будут уже понимать, в чем состоят действительные интересы рабочего. Тогда юноша, которого забирают в армию, никакими уже путями не даст себя убедить в том, что его долг по приказу власти стрелять даже в отца и брата. Мы должны и можем быть уверены, что никакая воинская дисциплина не сумеет сломить свободный дух. И факты также свидетельствуют о том, что постепенно это изменение происходит. Уже сегодня командующие армиями знают, что они не могут положиться на полки, набранные в больших городах или промышленных районах, если дело идет о подавлении рабочих «бунтов». Они могут рассчитывать уже только на солдат, которые происходят из деревни и поэтому не «пропитаны ядом социализма». Однако же этих деревенских новобранцев становится все меньше, все более преобладают новобранцы из промышленного рабочего класса, а кроме того, и по деревням также начинает распространяться рабочее сознание (вот поэтому в последние годы все чаще случаются сельскохозяйственные забастовки, например, в Венгрии, в Галиции, в Италии). Колеблется эта последняя опора гнета и эксплуатации и, если бы сегодня пришлось вести борьбу с народом в тех государствах, где рабочее движение охватило широкие массы, то, по всей вероятности, часть армии встала бы на сторону народа.

Итак, рабочий класс возрастает численно и вырастает в силу благодаря расширяющемуся классовому сознанию и организации. Посредством политической борьбы, проводимой путем агитации и организации, путем выборов в законодательные органы рабочий класс стремится все более увеличить свою силу. Ведя в странах Западной Европы такую борьбу легальным путем, рабочий класс должен, однако, быть подготовлен к тому, что ему, по всей

вероятности, рано или поздно придется вести революционную борьбу, кровавую борьбу с правительствами и господствующими классами. Его победа в этой борьбе будет окончательно обеспечена с того момента, когда солдаты, сыны рабочего народа, станут также сознательными.

Так или иначе: внесение сознания и организация есть одновременно и цель и средство политической борьбы.

4. БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Теперь посмотрим на условия, в которых находится рабочий класс в России, на задачи, которые стоят перед ним, на методы борьбы, которые он может использовать для своего освобождения.

Российское государство, еще сорок лет назад опиравшееся на крепостнические отношения, за последние десятилетия превратилось в капиталистическое государство, но сохранило форму абсолютистского правления, которая в Западной Европе давно уже принадлежит прошлому. В России развился капитализм, возникли огромные фабрики, построены железные дороги, чрезвычайно быстро возрастает число промышленных рабочих. Это изменение происходило и происходит при поддержке правительства, которое не ставит и не может ставить преграды этому развитию, поскольку нуждается в деньгах. Русский крестьянин, прежде доставлявший средства этому правительству, разорен окончательно; чиновники, сборщики налогов содрали с него все, что только могли содрать, хозяйство его разоряется, сам он мрет с голоду, из него уже ничего нельзя выжать. В то же время царское правительство из года в год все больше испытывает нужду в деньгах. Это правительство во что бы то ни стало хочет удержаться на позиции «великой державы», оно должно содержать огромную армию и флот, а на это нужны миллиарды. Дать эти миллиарды может только рабочий народ. А раз этот рабочий народ, прежнее крестьянство, оказался лишенным средств к жизни, то остается одно: превратить крестьянина в пролетария, в фабричного рабочего, тогда он будет создавать богатства для капиталистов, и одновременно с него можно будет взимать налоги, как непосредственно выдирая из его злополучной заработной платы налоги за водку, за табак, за паспорта, так и кос-

венно, учреждая налоги на промышленность. Таковы были побуждения царского правительства, когда оно со своей стороны способствовало развитию капитализма.

Итак, правительство поддерживало капиталистов, старалось расширять промышленность, давало фабрикантам обильные подачки, платило небывало высокие цены за правительственные заказы (пушки, железнодорожные вагоны, железнодорожные рельсы и т. п.), словом, делало все, чтобы в российском государстве создавалось как можно больше заводов. Одновременно в интересах капитализма проводилась захватническая политика, чтобы со временем фабриканты имели достаточные внутренние рынки. Так были завоеваны Кавказ, Туркестан, Бухара, захвачена Маньчжурия, идет подготовка к овладению Кореей, Персией, Китаем.

Но, поддерживая капитализм, царское правительство не думало отречься от абсолютного господства. Капиталистам дали возможность легко обогащаться, их поддерживали, но отказывали в политических правах; власть должна была остаться в руках царя и чиновников.

Разумеется, это было не по вкусу буржуазии; давала о себе знать свирепая власть чиновников. В конституционных странах законы установлены при участии представителей буржуазии, поэтому они приспособлены к потребностям капитализма, в России же указы выдумывают и исполняют чиновники, которые имеют слабое понятие об этих потребностях. И даже тогда, когда правительство хочет поддержать капитализм, в результате чиновничьей глупости дело выходит наоборот. Чиновничья каста немилосердно крадет, а фабриканты либо купцы должны ей платить на каждом шагу; от министра до городского каждый протягивает лапу. Но и в общеполитических вопросах при чиновничьем правлении не может быть порядка. Возьмем ли железные дороги, почту, телеграф, банки, суды, кредитные учреждения, торговые палаты или такие учреждения, как бойни, трамвай, газовые заводы — все это в России ведется плохо, везде бюрократизм, везде непорядок, везде отсталость по сравнению с Европой. В таких условиях промышленность и торговля не могут развиваться нормально, и буржуазия в России, конечно, не может быть удовлетворенной таким положением вещей. Кроме того, самодержавие и чиновничество всегда требуют, по крайней мере, формальных привилегий дворянству.

В России сохранились еще многочисленные привилегии дворянства, хотя уже и не имеющие материального значения, но все же вызывающие раздражение у буржуазии.

И однако все эти отрицательные стороны абсолютизма буржуазия в России терпит до поры до времени по одной очень важной причине: самодержавное правительство при помощи своей полиции, своих казаков, своей армии пока держало за горло гиганта—пролетариат. Это правительство отбирает у рабочих все права, сажает их в тюрьмы, ссылает в Сибирь за малейшее сопротивление, оказываемое капиталистам. Следовательно, в этой плоскости интересы капитализма и царизма оказались вполне согласованными. Буржуазия в России превосходно знает, насколько грозен в Западной Европе рабочий вопрос, она отдает себе ясно отчет в том, какую опасность влекут за собой рабочие организации. Там предприниматель-эксплуататор должен считаться с рабочими, которые в любую минуту могут забастовать, которые при помощи своей прессы предадут гласности каждую его подлость. В России предприниматель не опасается стачки. Он рассуждает: «придут казаки и кнутом уму научат». Взятки, взимаемые чиновниками, отвратительны, но ничего, возьму их на рабочем! Учреждения скверные, они просто насмешка над культурой, но зато такой дешевый рабочий! Пусть губернатор относится к могущественному капиталисту как к пустозвону — нет ничего страшного — зато этот капиталист может столько драть со своих рабочих. Буржуазия в России отрекалась от политических прав, отрекалась от человеческого достоинства, верноподданнически падала ниц перед правительством, потому что гнет, в каком это правительство держало рабочий класс, обеспечивал ей большую прибыль!

Господа фабриканты и биржевики имеют, однако же, и другие причины для соглашения с правительством. Царское правительство, как мы уже сказали, заботливо поддерживало промышленность в надежде, что когда-нибудь захватит часть прибылей, создаваемых фабричным пролетариатом. Пока же оно покрывало государственные расходы займами, поскольку сумм, поступающих от налогов, вытянутых из крестьян, не хватало. И вот возникло небывалое во всей мировой истории финансово-промышленное жульничество, в котором главным участником является правительство. Суть его состоит в том, что правительство брало за границей миллиардные займы как на военные

цели, так и на строительство железных дорог. Иностран- ные капиталисты давали эти займы, но одновременно помещали в русской промышленности свои капиталы, правительство же обязывалось давать большие заказы на железо, рельсы, вагоны и локомотивы, на броненосцы, пушки и т. д. заводам, принадлежащим акционерным обществам, в которых принимают участие эти капитали- сты. Вынужденное поддерживать иностранных капитали- стов правительство не могло, разумеется, оставаться глу- хим к требованиям «истинно родных», т. е. своих россий- ских эксплуататоров, оно должно было давать также и им заказы, ссуды, поддерживать их интересы, накладывая высокие защитные пошлины на иностранные товары. Таким путем во имя принципа «рука руку моет» объеди- нялись интересы капитализма и самодержавия России, за все же платил народ, потому что из налогов на него покрывались как проценты за государственные займы, так и ссуды, предоставляемые капиталистам, повышенные же таможенные пошлины обеспечивали капиталистам боль- шие прибыли, но являлись причиной вздорожания то- варов.

Война явилась причиной определенного поворота в от- ношении промышленно-биржевой буржуазии к правитель- ству, ибо она показала, до какой степени чиновничество было поражено гангреной, показала немощь этого внешне сильного правительства, и что государственные финансы находятся в отчаянном положении, а самодер- жавное правительство — это банкрот. Буржуазия, чувст- вую себя обманутой этим правительством, рада была бы взять руководство государством в свои руки. Правда, ее пугали массовые стачки и рабочие демонстрации, но она надеялась, что конституционный строй для нее самой будет гораздо более выгоден. Вот почему промышленники в Рос- сии высказались совершенно определенно за конституцию, но, конечно, их идеалом была такая конституция, при которой права народа были бы минимальными, права же буржуазии самые большие. Причиной такого настроения финансово-промышленной буржуазии явились не идеаль- ные побуждения, не желания свободы, а простой расчет, политическое мошенничество. Видя, что господство самодержавия закончилось, что пролетариат поднимает голову, буржуазия рада была бы на пламени революцион- ного пожара испечь каштаны своих интересов.

Подобными же мотивами руководствуется и дворянско-землевладельческий класс, класс сельских помещиков. Эти господа после падения крепостничества потеряли свои главенствующие позиции, которые они занимали в государстве. Они смирились с новым порядком, потому что правительство усердно заботилось об их материальных интересах при ликвидации крепостного права. Но поощрение промышленности не очень-то приходилось по вкусу помещикам, и они выступают с обвинением правительства в том, что оно покровительствует промышленности за счет сельского хозяйства, вследствие чего сокращается доход от их имений. Имеются также и причины несколько иные, состоящие в том, что чиновничье правительство вот уже двадцать лет стремится ограничить права сословного самоуправления, так называемых «земств». Правительство грубо издевалось над земствами, отдавало их под надзор полиции, хотело заменить их чиновничьими инстанциями. Нет, следовательно, ничего удивительного в том, что «земцы» встали в оппозицию и что эта оппозиция усилилась, когда война показала всю слабость и неспособность правительства. При всем том, разумеется, и эта группа господствующего класса, высказываясь «в принципе» за конституцию, постарается в будущей конституции российского государства выторговать как можно больше прав для себя.

За конституцию высказывается также так называемая интеллигенция, являющаяся наиболее независимой от правительства частью буржуазии. Врачи, адвокаты, ученые, литераторы, артисты, хотя и связаны тесными узами с буржуазией, все же непосредственно не заинтересованы в эксплуатации рабочего класса, и в том, чтобы пролетариат был лишен всех прав. Наоборот, они до известной степени заинтересованы в том, чтобы жизненный уровень рабочего класса поднимался. Рабочий, зарабатывающий столько, что может позволить себе какие-либо расходы, сверх удовлетворения необходимейших жизненных нужд, становится также клиентом врача, читает книги. Однако более важно то, что эти люди уже вследствие своего образования и своей более высокой культуры живо ощущают унижительность отсутствия свободы при самодержавном режиме. Среди них общечеловеческое чувство, сочувствие несчастью народа проявляется не в связи с материальными интересами. Вот поэтому в среде интеллигенции в России

уже давным давно существует сильное антиправительственное течение. Более того: значительная часть интеллигенции чувствует себя солидарной с рабочими, проникается социалистическими идеалами, переходит в лагерь рабочего класса.

Мы говорим здесь о конституционном движении среди различных слоев буржуазии, поскольку это движение проявилось в России. У нас в Королевстве Польском положение отличается тем, что как наша промышленная буржуазия, так и дворянство остались совершенно пассивными к революционному движению. Польская интеллигенция не отважилась на какой-либо самостоятельный политический шаг. Подлость и гнусность этой капиталистической прослойки в Польше ярко проявилась в беспримерном выступлении народно-демократической партии по отношению к революционному движению. Когда в Варшаве, Лодзи и Домброве лилась рабочая кровь, эти представители «народной» деморализации осмелились кидать грязью в борцов за права народа! История пойдет своим путем, отбросив этот сброд.

В былое время буржуазия в Западной Европе принимала активное участие в революционном движении, вставала во главе его, завоеывая права для себя; в России буржуазия, пользуясь революционным движением, старается извлечь из него для себя выгоды, но она не смеет ни встать во главе его, ни энергично поддержать. В этом нет ничего удивительного; во время революции 1789 г. во Франции, либо 1848 г. в Германии классовая борьба между пролетариатом и буржуазией не имела той острой формы, которую она приняла в настоящее время. Буржуазия на Западе могла питать иллюзии и обманывать других, что борется не за собственные классовые интересы, но во имя общечеловеческих идеалов, что, завоеывая права для себя, она завоевывает тем самым права для всех. В настоящее время в России буржуазия этих иллюзий не имеет; она прекрасно знает, что ее интересы и интересы пролетариата, рабочего люда, совпадают лишь в том, что касается свержения самодержавного царизма; но она знает, что с того момента, когда эта цель будет достигнута, начнется ожесточенная борьба между буржуазией и пролетариатом. Вот почему когда-то в Западной Европе революционная буржуазия с энтузиазмом шла на борьбу,

в России же в настоящее время буржуазия прячется за рабочие плечи, чтобы завтра обмануть рабочих.

Таким образом, мы имеем в российском государстве такое положение: самодержавное правительство, чтобы удержаться в числе великих держав, было вынуждено, в силу необходимости, поддерживать развитие капитализма; материальные интересы капиталистического класса, буржуазии, учитываются правительством, однако же правительство отказывает этому классу в участии во власти, на что снова он, в известной степени, соглашается потому, что самодержавное правительство, исходя из собственных и его интересов, держит в рабстве рабочий класс. Буржуазия не может согласиться с существующим порядком и особенно с чиновничьими беспорядками, но страх перед пролетариатом не позволяет ей энергично стремиться к конституции. Буржуазия в странах Западной Европы имеет за собой, по крайней мере, исторические заслуги; она когда-то боролась с правительствами и дворянством. Буржуазия в российском государстве выросла в гнусном рабстве, она до конца погрязла в подлости и является политическим трусом.

Но несмотря на неограниченную мощь царизма, к ужасу как самого царизма, так и буржуазии, возникший не так давно из прежних крепостных рабов, рабочий класс оказался мятежным, революционным! Чиновничья свора к своему удивлению видит, что она не может справиться с этим гигантом — пролетариатом, что она не имеет средств, чтобы из промышленных рабочих сделать податливых и покорных рабов. Где бы только ни возникали в России фабрики, шахты, металлургические заводы, не успеешь глянуть, как уже вспыхивает забастовка, как уже рабочие начинают требовать более высокой заработной платы, более короткого рабочего дня и — о, ужас! — бунтуют против чиновничьего правительства, против самого царя, требуют прав и свободы! Чиновники начинают «искоренять мятежный дух», царь создает себе орду бандитов, свору гончих псов, выдрессированных против рабочих — славный корпус жандармерии. С азиатской жестокостью начинается «искоренение духа мятежа», тысячи, десятки тысяч рабочих бросают в тюрьмы, гонят в Сибирь, но рабочее движение усиливается. От Варшавы вплоть до Каспийского моря, от Одессы до Архангельска

одни только рабочие бунты, забастовки, тайные организации, которые нельзя искоренить! Сердится царь, жандармская свора из сил выбивается, из кожи лезет, а все понапрасну: «дух мятежа» усиливается.

Нет в этом ничего удивительного: одна причина, один и результат. Капитализм в государстве царя имеет те же самые характерные черты, что и в государствах Запада, он увеличивает армию пролетариата, создает нищету и эксплуатацию, следовательно должен возбудить сопротивление. Рабочий класс не может не бороться с эксплуатацией, он не может вынести нечеловеческое изнурение своих сил. Подобно тому, как река несет свои воды вперед к морю и срывает любое созданное на ее пути препятствие, рабочий народ выступит против капиталистической эксплуатации, а раз правительство хочет силой удержать эту волну рабочего движения, то сила пролетариата обращается против него.

Рабочий класс должен быть революционным: он хочет жить, но, как только он перестанет бороться, его задушат самой крайней нуждой. Он борется прежде всего против капитализма, потому что капиталистическая эксплуатация приносит ему наиболее острые мучения. Но раз правительство становится на защиту капитализма, против него и направляется борьба. Из года в год, почти изо дня в день среди миллионной рабочей массы растет убеждение, что о лучшей судьбе не может быть и речи, пока продолжается политическое рабство; изо дня в день возрастает классовое сознание рабочих, изо дня в день борьба с правительством становится все более острой, рабочие поняли, что без политической свободы, без прав, словом, без конституции, не может быть и речи о прочном улучшении их судьбы. Стало быть враг — это капиталист и царское правительство. Так погибель им!

Итак, в российском государстве действуют такие силы: с одной стороны, капиталистическая буржуазия, имеющая на своей стороне всю экономическую мощь, и царизм должен, исходя из своих собственных интересов, поддерживать эту буржуазию. Опека царизма становится невыгодной для буржуазии, но она измельчала политически и из-за страха перед пролетариатом не отважится на самостоятельную борьбу против чиновничьего рабства. С другой стороны, рабочий класс, который под угрозой гибели должен добиваться свободы, должен бороться как с

варварским царизмом, так и с капиталистической буржуазией, бороться за хлеб и за свободу.

Таким образом, борьба развертывается, в конечном счете, между царизмом, который взял на себя защиту интересов буржуазии, и революционным рабочим классом.

Кроме этих двух общественных сил, вступивших в борьбу, в российском государстве существует третий социальный класс — крестьяне. Это наиболее многочисленный класс, по крайней мере в России. Ибо у нас в Польше так сложились отношения, что среди сельского населения мы имеем огромное количество безземельных работников, батраков, деревенский пролетариат, классовый интерес которого в целом тот же самый, что и у городских рабочих. В России же, как и на Украине, на Кавказе и в Сибири настоящие крестьяне, которые владеют землей на правах собственности и которые пользуются землей на правах общинной собственности (так называемой «общины»), составляют огромное большинство.

Какую же позицию занимают эти крестьяне в борьбе между рабочим классом, с одной стороны, и буржуазией и царизмом — с другой?

Общеизвестно, что крестьянство, особенно в самой России, невероятно обнищало, что царизм выжал его как лимон, что голодный тиф стал постоянным гостем по деревням; мы знаем, что эти крестьяне живут в более горькой нужде, чем городские пролетарии. Несмотря на это среди крестьян почти не существует революционного движения.

Причины этого не трудно заметить: нужда среди крестьян еще большая, нежели среди городских рабочих, но эта нужда возникает по другим причинам, она имеет другой характер. В рабочем классе по необходимости вырабатывается солидарность. Если тысяча рабочих работает на фабрике или на шахте, то они прекрасно знают, что их судьба зависит от капиталистов, что капиталист из их труда извлекает прибыль, что он эксплуатирует их труд, мало платит. В то же время среди тысячи крестьян одной и той же волости каждый ведет хозяйство на свой собственный риск, каждый думает только о своем хозяйстве, каждый рад бы увеличить свою пашню, выпас, лес, хотя бы и за счет своего соседа, такого же самого бедняка, как и он. Только там, где крестьяне сталкиваются с помещицей усадьбой, начинается их солидарность. Распри с помещиком могут возникнуть из-за заработной платы, если

крестьяне нанимаются на работу на помещичьи земли, а еще чаще из-за пастбищ и лесов, которых им мало досталось, когда крестьян освобождали во время ликвидации крепостного права. В качестве наемных рабочих крестьяне солидарны, они чувствуют эксплуатацию помещиков, но, поскольку они кормятся главным образом за счет своего собственного хозяйства, они ссорятся между собой, и, таким образом, эта солидарность снова оказывается поколеблена. При этом очень часто крестьянин жалуется на эксплуатацию, на незначительную оплату, какую он получает в помещичьей усадьбе, но сам также держит батрака или батрачку, которых эксплуатирует, пожалуй, еще хуже. В столкновениях с помещиком за пастбища и леса крестьяне прекрасно знают, что их обидели, что у них украли из рук землю, выпасы и леса и поэтому они от всего сердца ненавидят помещиков, добиваются «нового передела земель». Еще до недавнего времени они возлагали большие надежды на царя, который будто бы избавил их от крепостного права, а если захочет, то распорядится о новом переделе земель. Но более молодое поколение уже ориентируется в обстановке, отдает себе отчет в том, что при освобождении от крепостного права в пользу господ с крестьян содрали страшную дань, что «выкупы», какие они до сих пор платят, являются одной из причин нужды. Вера в «царя-батюшку» оказалась сильно поколебленной.

Она была тем более поколеблена, что царское правительство делало все возможное, чтобы лишить крестьян этой веры. Оно мучает их податями и сверх того сохраняет новый вид рабства в целях сбора этих податей (так называемая в России «круговая порука»). А именно: в тысяче случаев крестьянин рад бросить землю, на которой он не может прожить, и отправиться в город на заработок, но его держит задолженность по податям, за подати же отвечают скопом все крестьяне данной волости. Они не пускают беднягу из волости, не дают ему паспорта. Равным образом ощутительны и религиозные преследования. Царское правительство систематически тиранит «иноверцев», сектантов — «раскольников» и т. п. Подлости, которые допускают здесь чиновники, страшны. Поэтому крестьянские бунты повторяются все чаще. Они являются результатом отчаяния, вспыхивают вследствие какой-либо местной причины, какого-либо беззакония, превосходящего обычные меры; в них нет какой-либо общей для всего класса

руководящей идеи, как это имеет место среди городских рабочих.

Поэтому мало надежды на то, что это угнетенное крестьянство по собственному побуждению встанет на борьбу с царизмом.

Но, с другой стороны, оно не встанет также и на защиту царя. Несколько лет тому назад могли еще существовать опасения, что когда в городах рабочий народ встанет на борьбу с правительством, правительство может натравить крестьян на рабочих. Прежде между городским людом и деревенским мало было контактов, это были два обособленных мира. Сегодня же в результате обнищания деревни и роста капиталистической промышленности миллионы сельского населения переместились в города, огромное количество фабричных рабочих пришло из деревни, возросла связь между деревней и городом. Железные дороги, этот важный фактор капитализма, также способствовали тому, что эта связь постоянно поддерживается, поскольку сельское население может легко передвигаться, отправляться временно на заработки в города, те же, кто переселяется навсегда, имеют большую возможность взглянуть иногда в родную деревню.

Словом, если прежде большая масса крестьян была перушимой опорой царизма, то сегодня мы являемся свидетелями революционирования также и этого класса. Во имя своих собственных классовых интересов крестьянство должно становиться на сторону революции против царизма. Ведь только в конституционном государстве крестьяне могут добиться некоторых изменений, без которых не может быть и речи об улучшении их жизни. Прежде всего крестьяне должны, исходя из своих собственных интересов, добиваться изменения налоговой системы, поскольку одной из самых важных причин их нищеты является, как мы сказали, невероятный налоговый гнет. Кроме того, крестьяне должны и будут добиваться укрощения чиновничьего произвола, расширения волостного самоуправления и других демократических реформ.

Эти требования крестьян полностью согласуются с требованиями рабочих и оба этих общественных класса могут в этом действовать солидарно.

Однако же, как мы говорили выше, условия жизни класса крестьян являются причиной того, что трудно этому классу осмелиться на самостоятельное выступление, на

самостоятельные политические действия. Крестьяне могут поддержать требования революционных рабочих, но они вступят в борьбу только тогда, когда под ударами рабочего движения будет поколеблена мощь царизма. Поэтому рабочий класс в борьбе с царизмом должен, прежде всего, рассчитывать только на собственные силы.

5. КАК РАБОЧИЙ КЛАСС БОРОЛСЯ ДО СИХ ПОР С ЦАРИЗМОМ И ЧТО ОН ОТ ЭТОГО ВЫИГРАЛ?

Итак, следовательно, уже годами продолжается великая борьба между царским правительством, с одной стороны, и революционными элементами, рабочим классом и социалистической интеллигенцией, с другой стороны.

Рабочие стремятся под знамя революционной, социал-демократической партии; несмотря на преследования, не смотря на виселицы и казни, они создают тайные союзы, организуются, демонстрируют против правительства.

Буржуазная интеллигенция не смогла найти в себе силы на самостоятельное движение. Ее умнейшие головы, самые горячие сердца шли под социалистическое знамя, переходили на сторону рабочего класса и здесь оказывали ему службу. В целом интеллигенция все острее ощущает варварский гнет, иногда протестует, но когда усиливалась реакция, когда какой-нибудь министр сильнее нажимал на нее, эта интеллигенция умолкала и только грозно сжимала кулак — в кармане.

Вот поэтому правительство могло пренебрежительно относиться и пренебрегало движением среди интеллигенции, но оно не могло ни минуты сомневаться в будущей мощи рабочего движения и направило против него всю свою ярость.

Как же происходила эта борьба?

Первой задачей, поставленной перед собой рабочими, социалистическими партиями, должно было быть *внесение сознания* в среду рабочих. Нужно было показать рабочим, прежде всего, каковы причины их нищеты. Вождь немецких рабочих, Фердинанд Лассаль*, однажды

* Ю. Мархлевский ошибочно оценивает отношения Ф. Лассаля (1825—1864) к революционному рабочему движению, преувеличивая его роль в нем. Фердинанд Лассаль — мелкобуржуазный политический деятель, враждебно относившийся к идеям пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

воскликнул с горечью: «Вас, немецких рабочих, нужно только учить, что колбаса, которую вы съедаете, воняет». Этими словами он хотел сказать, что рабочие стали так безразличны к нищете, так свыклись с нуждой и гнетом, что их нужно теперь убеждать, как плохо теперь и что должно быть лучше. У нас в Польше и в России нужны были немалые усилия, чтобы осуществить работу по внесению сознания. Когда Лассаль говорил эти слова, немецкие рабочие уже имели конституцию, хотя и очень жалкую, но все же гарантирующую определенные права, например, право собраний и печати, и, следовательно, Лассаль мог устраивать собрания по несколько тысяч человек и разъяснять рабочим их положение. У нас же такого «бунтовщика», имеющего намерения разъяснить рабочим, что колбаса, которую они едят, воняет, забирают потихоньку ночью жандармы, сажают на извозчика, везут в цитадель, а потом высылают без длинных церемоний в Сибирь. А если бы кто-нибудь напечатал такие мятежные слова, то его заковали бы в двойные оковы, разумеется, в том случае, если бы поймали. Вот почему сначала таких смельчаков была горстка. Но рабочий вытесан из твердого камня, его не легко запугать, кто же хоть раз познает великую и святую правду, тот уже от нее не отступит! Горстка революционеров быстро росла, несмотря ни на какие преследования. Не помогла каторга, не помогли никакие угрозы и кары. Тысячами тайно привозили из-за границы книги, брошюры и газеты или, к великому ужасу жандармов, печатали их тайно в России, а в этих книгах и газетах провозглашалось евангелие социализма, разъяснялось, почему рабочий народ терпит нужду и как этому помочь; несмотря на строгие запрещения, устраивались тайные собрания, где сходились рабочие, жаждущие знаний, и старались повышать свое образование, обсуждали нужды рабочего класса. Нужно было принести тяжкие жертвы; сотни, тысячи энергичных товарищей потеряли за эту разъяснительную работу личное счастье, их целыми годами мучали в тюрьмах, ссылали в Сибирь, многие из них поплатились жизнью за свое благородство. Но эта работа принесла желанные плоды, жертвы не прошли даром! Ныне уже не сотнями, не тысячами, а сотнями тысяч можем мы считать таких рабочих, которые благодаря этой работе по внедрению сознания пробудились от своего безразличия, начали задумываться над своей долей, поняли,

что можно и нужно избежать нищеты. Это уже огромный шаг вперед, ибо где имеется понимание своего положения и сильная воля, там найдутся и средства для того, чтобы изменить это положение.

Как мы уже сказали, это внедрение сознания происходит вопреки царизму, наоборот — последний применяет все меры, чтобы это предотвратить. Если, следовательно, несмотря на это, революционная работа достигает цели, то мы справедливо можем гордиться победой, одержанной над правительством.

Но агитацией и пропагандой и работой по внесению сознания революционные партии вовсе не ограничиваются. Они приступили в настоящее время к действиям. Одной из наиболее важнейших задач должно быть завоевание лучших условий жизни для рабочих. Как мы уже говорили выше, рабочие на Западе проводят с этой целью систематическую экономическую борьбу с буржуазией. Царское правительство не хочет предоставить рабочим право на забастовки, право на ведение экономической борьбы, оно грозит тюрьмой, ссылкой. Но польские рабочие, как и русские, поняв благодаря социалистической пропаганде, что только при помощи забастовок они могут добиться увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, а также предупредить ухудшение условий жизни, не испугались угроз. Царские запреты существуют, российское «право» (если можно в бесправном государстве говорить о праве) запрещает забастовки, но несмотря на это вот уже двадцать лет нет такого года, чтобы у нас в стране то тут, то там не вспыхивала забастовка. Буржуазия от этого приходит в бешенство, правительство свирепеет и хватается за варварские средства: в бастующих рабочих, когда они собираются толпами, стреляют, против них высылают казацкие орды, еще до недавнего времени руководителей стачек истязали, сажали в тюрьмы, высылали в Сибирь, и несмотря на все это забастовки продолжались!

Многие такие забастовки кончались успешно для рабочих. Не помогали ни угрозы, ни насилие, потому что на рабочих можно нападать на улицах, можно их арестовывать десятками и несколькими десятками, но нельзя их насильем заставить работать. Вот поэтому там, где рабочие солидарно выдержали хоть несколько дней, фабрикапты были вынуждены во многих случаях уступить, должны были повысить заработную плату либо сократить рабочий

день. Однако часто случается так (и к сожалению, слишком часто), что рабочие вынуждены прекратить забастовку, возвратиться под ярмо, не получив ничего, потому что голод принуждает их уступить. Вследствие запрещения забастовок, в результате отсутствия права на создание своих объединений рабочие не могут создавать стачечных касс, не могут собирать взносов, из которых можно было бы черпать средства в случае забастовок. Случалось также, что фабрикант был бы готов даже уступить, но рьяный губернатор запрещает уступки. Но даже и в том случае, если рабочие пока вынуждены уступить, не получив, чего они требовали, забастовка не проходит попусту. Ибо во время забастовки крепнет чувство братства, растет рабочее сознание, приобретается опыт, как лучше организовать забастовку. Вот поэтому очень часто фабрикант вначале не уступает, но проходит некоторое время, и он повышает заработную плату; он, без сомнения, не делает это от доброго сердца, но, обычно, потому, что прекрасно знает, каково настроение рабочих, ожидает в ближайшее время новой забастовки и старается предупредить ее.

Во всяком случае, можно совершенно определенно считать, что если бы не многочисленные забастовки у нас в Варшаве, в Лодзи, в Жирардове, в Заверце, в Домброве, в Радоме, в Белостоке и т. д., то наверняка в целом заработная плата была бы еще у многих профессий значительно ниже, чем существующая. Каждый, кто знает положение рабочих и может сравнивать заработную плату сегодня с заработной платой лет двадцать тому назад, знает, что положение несколько изменилось в лучшую сторону для большинства рабочих. Это следует приписать забастовкам. Таким образом, не подлежит сомнению, что путем забастовок и экономической борьбы рабочие завоевали целый ряд побед.

Но забастовки имели еще другой результат, они принесли косвенную пользу. Они, собственно, вынудили правительство на определенные, по крайней мере, формальные ограничения эксплуатации. Так под влиянием забастовочного движения царское правительство издало положения, касающиеся охраны труда рабочих. Наиболее важным из этих положений было ограничение рабочего дня до 11½ часов. Мы хорошо знаем, что большинство этих положений остается на бумаге, что фабричные инспектора, которые должны следить за соблюдением этих положений,

являются, за небольшим исключением, как и большинство царских чиновников, взяточниками. Мы знаем, что тот указ о 11¹/₂ часовом рабочем дне был для очень многих рабочих «горчицей после обеда», потому что они уже до этого завоевали себе более короткий десятичасовой рабочий день. Но несмотря на это, мы утверждаем, что это охранное законодательство является завоеванием рабочих. Если бы не рабочее движение и не страх перед рабочими, правительство наверное и не подумало бы о таких уступках. Эти уступки ничтожны, они не могут удовлетворить и не удовлетворяют рабочих, но они являются показателем того, как самодержавное правительство вынуждено считаться с рабочими, если те выступают солидарно.

Далее: забастовка является методом экономической борьбы, но в российском государстве каждая забастовка перерастает в политическую борьбу. Ведь если правительство запрещает бастовать, а рабочие все же бастуют, то забастовка перестает быть спором только между капиталистом и рабочими, а становится спором между правительством и рабочими. Кто сомневается в этом, пусть припомнит знаменательный факт. Царь Николай II с большой помпой поехал в Москву на коронацию; после коронации должно было состояться триумфальное возвращение в Петербург, фактически же бедный Николаюшка возвратился в свою столицу втихомолку, украдкой. Поезд вовсе не остановился в Петербурге, а ночью окружными путями его направили прямо в Царское Село. Причиной этого унижительного отступления была забастовка нескольких десятков тысяч рабочих на ткацких фабриках Петербурга. Это был чисто экономический спор, рабочие выставили требования, касающиеся заработной платы и рабочего дня, но сам факт, что рабочая армия встала в боевом строю, нагнал такой страх на самодержца, что он, как карманник, тайно прокрался в свой дворец и показался в Петербурге только тогда, когда рабочие вернулись на работу.

В подтверждение того, что в России экономические выступления являются одновременно и политическими, существуют еще и другие факты. Формально, как мы знаем, существует законодательное запрещение забастовок; формально уже само «массовое прекращение работы» в целях получения повышения заработной платы является в соответствии с российским законодательством преступлением.

В действительности же все чаще случается так, что представители правительства, губернаторы и т. д., приезжают на фабрики, где бастуют рабочие, и стараются уговорить их приступить к работе, посредничают между рабочими и фабрикантом. Таких примеров за последние годы было великое множество. Что же это означает? Это означает, что рабочие настояли на своем; правительство на практике убедилось, что жестокостью, арестами и казацкими налетами оно ничего не добьется, что оно должно считаться с бастующими рабочими.

Таким образом, революционные рабочие фактически уже одержали очень значительную политическую победу: правительство признало частично, или, вернее, было вынуждено признать право на забастовки.

Но революционный пролетариат, используя забастовки как одну из форм борьбы, поднялся непосредственно на борьбу с царизмом, он ведет политическую борьбу под лозунгом «Долой царизм!». Средством этой непосредственной, уже чисто политической борьбы являются демонстрации.

Когда многотысячная толпа выходит на улицу с пением революционных песен, с возгласами: «Долой царизм! Да здравствует Свобода!», — это выдающийся политический факт в абсолютистском государстве. В самом деле: царизм содержит миллионную вооруженную армию, содержит многотысячную свору полиции, жандармерии, шпииков для своей охраны; все устроено для сохранения абсолютного господства царя, и все же, несмотря на всю эту грубую силу, революционный пролетариат открыто выражает свою ненависть, свое презрение к этому «всемогущему» царизму в восклицании «долой царизм», ясно высказывает свою программу в возгласе «да здравствует свобода».

В первых политических демонстрациях только сотни смельчаков становились под революционное знамя, но из года в год число их возрастало. В среде рабочих уже не единицы, а многие тысячи чувствовали мощь революционной солидарности. Царские власти более энергично, более старательно пытались предотвратить демонстрации, во время которых на улицах городов лилась кровь. Но ничего не помогало, демонстрации становились все более и более значительными.

Убеждение в том, что это рабочее движение является силой, которая может привести к победе рабочего класса,

должно придать бодрости тем, кто до сих пор стоял вдалеке от революционного движения. Каждая демонстрация вызывает интерес, заставляет задуматься. Те рабочие, кто до сих пор не принимал участия в движении, до кого не дошла социалистическая литература, кто не имел случая узнать, чего собственно хотят социал-демократы, видят демонстрацию, слышат о ней, начинают узнавать, что она означает, и таким путем, узнав цели социал-демократов, присоединяются к ним. Поэтому каждая демонстрация является одновременно и угрозой, направленной против царизма, и средством расширения классовой сознательности.

Внесение сознания в массы, внедрение в массы рабочего люда убеждения о необходимости борьбы с правительством явилось самой важной задачей революционной партии. Рабочий класс может рассчитывать на одну только силу, на свою солидарность; путем внесения сознания мы пробуждаем к жизни эту силу. Если миллионы рабочего люда убедятся в том, что политическая свобода является для них условием существования, условием улучшения своей судьбы, тогда никакая сила на свете не сможет помешать тому, что рабочий люд осуществит свою волю. Поэтому успешны все средства борьбы, которые развивают это сознание.

Выступая на уличных демонстрациях против царизма, социал-демократы должны были организовать и организовали пролетариат. Эти организации в государстве абсолютизма должны были быть тайными. Их задачей является разъяснение стремлений и целей революционного пролетариата. Ту же самую цель имеют политические митинги, собрания, на которых рабочие обсуждают ближайшие задачи борьбы.

И вот революционное движение охватывает тысячные отряды, идея свободы овладевает огромными массами рабочего люда. Тогда уже насилие правительства пролетариат отвечает организованным протестом, политической манифестацией или политической стачкой.

Политическая стачка — это прекращение работы не в целях завоевания экономических уступок от фабриканта, это протест против угнетения, против подлостей правительства. По данному сигналу в определенном месте или во всей стране рабочие прекращают работу с четко поставленной целью против правительства, по воле рабочих

останавливается все производство, останавливается вся экономическая жизнь. Как правительство, так и господствующий класс убеждаются тогда, какая сила рабочий класс, как зависит от него существование или несуществование всего общества. С того момента, когда сознательность и организация возросли бы настолько, что политическая стачка охватила бы *все государство*, если бы в нем приняли участие *все рабочие*, тогда победа рабочего класса была бы неминуемой, правительство и господствующий класс были бы вынуждены немедленно удовлетворить все требования рабочего класса. Но даже тогда, когда эта цель не может быть достигнута, когда не все рабочие присоединяются к стачке, политические стачки имеют огромное значение. Ибо, если в городах или странах, где сознательность рабочих особенно продвинулась вперед, вспыхивает такая стачка, то, во-первых, пример воздействует на рабочих в других городах, во-вторых, правительство и буржуазия наглядно убеждаются в том, что рабочие полны решимости любой ценой завоевать и завоюют политическую свободу.

Наконец, остается вооруженная борьба, борьба с оружием в руках против армии, как последней опоры абсолютизма. Такие бои вел рабочий люд в Западной Европе, оплатив своей кровью политическую свободу. Со времени этих революционных боев положение изменилось: армии были увеличены, орудия убийства, которыми они располагают, были усовершенствованы. Но, как мы выше сказали, солдаты, которых правительство посылает на убийство для своей обороны, являются сынами рабочего люда, и могут встать на сторону этого люда. Царское правительство до недавнего времени еще твердо рассчитывало на армию. Рабочие организации, революционные партии в российском государстве, однако, не упускали также и задачу распространения среди армии революционных идей, в целях подготовки таким путем вооруженной борьбы и союза между рабочим людом и армией. Возникновение вооруженной борьбы народа с армией зависит не от воли революционного пролетариата. Может быть так, что народ окажется вынужденным пойти на эту борьбу. Когда солдатня нападает на демонстрирующих рабочих, то рабочие хватаются за любое оружие, какое они могут приобрести, и идут в бой, не раздумывая о перспективах победы. Может оказаться и так, что часть армии встанет

на сторону народа, и тогда начнется кровавая борьба, охватывающая все государство. Таким образом, наша обязанность — готовиться к этой решительной борьбе.

Нам остается вспомнить еще об одном средстве политической борьбы — о терроре. На первый взгляд это неслыханно революционное и очень успешное средство. Что может быть более проще: повыбить всю сволочь, царя, царскую семью, министров, всех представителей правительства и конец! В действительности же террор сам по себе не является ни в коем случае революционным средством, а результаты его очень сомнительны. Рабочий класс борется против правительства потому, что это правительство по необходимости, безотносительно к тому, кто является царем, должно быть противником рабочего класса. Убить царя, это еще не означает сменить систему правительства. Пример уже был: Александр II был убит, а в правительстве ничего не изменилось, может быть лишь то, что при Александре III варварские эксцессы правительства перешли уже все границы. Террористы иногда ссылаются на избавительные последствия страха, который возникает в результате убийства. Но и это ошибочно. Сколько раз убивали того или иного особенно подлого царского пса, всегда находился на его место еще худший. Это совершенно понятно: среди чиновничьей своры честолюбие является одним из самых сильных чувств, жажда власти и наград подавляет все. Поэтому всегда можно найти среди этой своры людей, которые пойдут на все. Они похожи на шулеров: знают об опасности, но рискуют. Как игра в карты, такой риск может привлекать людей, души которых до основания прониклись подлостью и которые живут уже только честолюбием безумства.

Первые террористы в России, деятельность которых была увенчана уничтожением Александра II, дошли до террора как бы с отчаяния. Они пытались начать в России революционное движение среди народа, а поскольку тогда капитализм был только в зародыше, а рабочий класс немногочислен, они обращали главное внимание на крестьян. Но побудить крестьян на борьбу с правительством оказалось невозможным. Правительство же, взбешенное первыми попытками революционной борьбы, со всем ожесточением бросилось на этих революционеров. Ответом на это явилось убийство нескольких царских палачей, а в

заклучение и царя. Мы можем понять ту обстановку, мы полны уважения к героям той революционной партии («Народная воля»), но история этой партии именно и свидетельствует, что террор не является успешным средством борьбы. Ныне в России существует мощное рабочее движение, которое дает уверенность в победе. Поэтому нет ни нужды, ни основания впадать в ошибку «Народной воли» и хвататься за террор.

Самым важнейшим аргументом против террора является то, что он не способствует усилению классовой сознательности, но скорее противодействует этому. Ибо, если бы путем террора можно было завоевать политическую свободу, то зачем братья за другие средства? Если несколько человек или несколько сотен человек покушениями на царя, министров и царских сановников могут избавить нас от ярма рабства, то рабочие массы могут оставаться спокойными и безразличными. Такова логика террора как политического принципа, как программы. Следовательно, террор не достигает намеченных результатов и не может их достичь, а в рабочее движение он вносит смуту, внедряя в массы неосуществимые надежды на то, что террористы избавят их от царской неволи.

Наконец, мы должны считаться с революционными силами. Если для того, чтобы убить какого-либо собаку-министра, необходимы напряженные приготовления, в которых длительное время принимает участие несколько десятков человек, то мы утверждаем, что эти люди гораздо полезнее использовали бы свою энергию, агитируя среди рабочих.

Поэтому мы, социал-демократы, решительно отбрасываем террор как средство политической борьбы. Мы считаем его безуспешным, вредным постольку, поскольку он парализует классовое сознание и поглощает революционные силы.

Отбрасывая в принципе террор как средство политической борьбы, социал-демократия, разумеется, не отказывается от самообороны путем убийства, если нет другого пути. Ясно, что социал-демократы уничтожат шпиона или предателя, когда они могут путем казни такого негодяя спасти товарищей от тюрьмы; ясно, что жандарму либо полицейскому стреляют в лоб, когда он хочет их схватить. Такая самооборона не имеет ничего общего с террором как политической программой.

Итак, следовательно: политическая борьба, борьба против царизма и одновременно против капитализма ведется таким путем, что социал-демократия использует все средства, чтобы *развить классовое сознание рабочих, что она агитирует и организует их. Наиболее успешными средствами для этой цели оказались стачки, манифестации, политические митинги и демонстрации.* Последним актом борьбы против абсолютизма будет вооруженная борьба. Борясь таким путем, рабочий класс уже сегодня добился некоторых результатов, принудил правительство считаться с ним, получил определенные, хотя и незначительные уступки. Но самым важным результатом этой борьбы является то, что агитационная и организационная работа, несмотря на все препятствия и жесточайшие преследования, сделала огромный шаг вперед.

6. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И БОРЬБА С ЦАРИЗМОМ

Вспыхнула война. Оказалось, что великая царская держава, выжимавшая последние соки из стомиллионного населения, забросившая культурные задачи и расходующая миллиарды на армию и флот — бессильна! Оказалось, что армия, в которой офицеры обкрадывают солдат, и где нет ни склада, ни ладу, не может дать отпор японцам; оказалось, что бюрократическая машина не в состоянии справиться с задачами, какие ставит милитаризм, во имя которого она была создана; оказалось, что беспорядок, обман, продажность, неповоротливость превосходят всякое воображение. Могучий царизм оказался насквозь прогнившим.

Одновременно эта война ведет к краху все население. Промышленность, так быстро развивавшаяся благодаря поддержке правительства, сразу же понесла ущерб, государство не может раздобыть средств на оплату военных нужд, тем более не может давать промышленникам обильно оплачиваемых заказов — отсюда застой в некоторых отраслях промышленности, например в железодельной. Поражения, понесенные флотом и армией, подрывают уверенность как отечественных, так и иностранных капиталистов в прочности правительства, вследствие чего падает кредит. Весь товарооборот оказывается нарушенным: купцы, не имея кредита, не могут покупать товары; фабрики или останавливаются, или сокращают и так уже мизерную заработную плату; в городах тысячи и сотни

тысяч рабочих выбрасываются на улицу; в ужасных размерах возрастает нищета.

Тем временем с поля боя приходят страшные вести. Что ни стычка, что ни битва, то поражение! Почти нет такой семьи, которая не пострадала бы, которая не дрожала бы за жизнь отца, сына или брата. Судьба же тех, кто рискует жизнью, пожалуй, еще страшнее: армия терпит голод, заразные болезни опустошают ее, для раненых и больных нет спасения.

И вот все общество начинает понимать, что война эта — бессмыслица, безумие. Но одновременно умы, задетые за живое этими поражениями, начинают понимать всю политическую обстановку; для сотен тысяч людей, до сих пор политически пассивных, становится понятным, что виновник этих поражений — деспотическое правительство, оно само является виновником поражения и предателем.

За несколько месяцев войны политическое сознание сделало огромные успехи, оппозиционный дух усилился во всех слоях общества.

Это оппозиционное настроение начинает все яснее проявляться и в среде интеллигенции. Протесты против деспотизма открыто высказываются на собраниях «земцев» *, в «городских думах», на съездах врачей, инженеров, юристов, на устраиваемых в Петербурге и Москве «оппозиционных банкетах».

Однако же все это оппозиционное движение среди интеллигенции и прогрессивной буржуазии отличается, прежде всего, неясностью цели и средств. Представители этих «земцев», врачей, адвокатов славят свободу, громят правительство, рассуждают об «участии общества в социальных вопросах», о потребности «доверия общества правительству», доверия, требующего «общественного контроля» и т. д. Но даже в заграничном органе этого оппозиционного движения, в «Освобождении», нет ясности требований, нет определенной программы действий. Какое-то бессилие, какая-то преждевременная старость характеризует это движение!

* Имеются в виду либеральные помещики, организованные в «земства», т. е. местные «самоуправления», введенные царским правительством в 1864 году из соображений политической тактики, с целью привлечь помещичьих либералов на свою сторону.
Ред.

Если мы сравним выступление буржуазных элементов в России с революционными движениями на Западе, например, с движениями в 1848 году, где буржуазия также подняла спор с правительствами, то поражает отсутствие веры в себя, уверенности в свои силы у российской буржуазии. Это не должно удивлять: в 1848 году буржуазия в государствах Западе глубоко верила, что ее дело — дело всего народа, что ее цели и цели широких народных масс совершенно совпадают, ибо буржуазия имела основания верить и верила, что действует и имеет право действовать во имя всего народа. Классовый антагонизм существовал, но буржуазные деятели не отдавали себе отчета в этом антагонизме. Ныне буржуазия в России не только чувствует, но превосходно знает, что она не имеет права выступать от имени народа, что рабочий народ выдвигает иные, чем она, лозунги, борется во имя иной идеи, что этот народ, видящий своего врага в царизме, в абсолютизме, видит также врага и в буржуазии, в капитализме. Классовый антагонизм в современной России не только существует, но он стал известен как интеллектуально развитым рабочим, так и буржуазии. Отсюда отсутствие веры в себя, отсутствие энтузиазма, энергии, силы у буржуазной оппозиции.

Так повела себя буржуазия в России. А у нас? Наше дворянство, наша буржуазия и мелкая буржуазия, как известно, очень патриотичны, пока это им ничего не стоит! Известно также, что разные политические жаки* в газетах, издаваемых за границей, занимаясь «высшей политикой», клялись, чем было можно, что пусть только военная мощь царизма будет поколеблена, пусть вспыхнет война, сейчас же «весь народ» поднимется на борьбу, пойдет «лупить москалей». Война вспыхнула, военная мощь царизма оказалась парализованной, но в Польше «весь народ» не тронулся, выступил только рабочий класс, который поднялся не только против царизма, но одновременно и против «патриотических» эксплуататоров, против польских фабрикантов и помещиков. И вот «общенациональная кампания» выразилась в том, что господа дворяне, заседающие в венском парламенте, начали метать громы против революции, возобновили присягу на верность власти

* Жаки — польские студенты, члены студенческих корпораций (прим. переводчика).

захватчиков! И не только дворянство: горстка тех крикунов и политиков из кафе, объединенных в так называемой «Национальной демократии», осмеливалась плевать на тех, кто в революционных боях проливал свою кровь за свободу! Даже наиболее прогрессивная и независимая часть буржуазии — интеллигенция, не отважилась у нас на какой-либо открыто выраженный протест против царизма.

Осуществилось в точности то, что еще со времени возникновения в Польше рабочего движения со всей убедительностью было сказано как прежним «Пролетариатом» * в 1882—1885 годах, так и социал-демократией: чисто национальное движение перестало у нас в Польше быть политическим фактором с тех пор, как по мере экономического развития спор между пролетариатом и имущими классами стал открытым и сознательным. Буржуазия нашла поддержку своим материальным интересам у правительства захватчиков, она не хочет и слышать о борьбе с ним, дворянство потеряло свое политическое значение и также ищет соглашения с правительством, мелкая буржуазия и интеллигенция не осмеливаются на серьезные политические выступления. Рабочий же класс не может ставить себе целью «восстановление Польши», создание нового классового государства, не может уже потому, что для достижения этой цели он не имеет никаких средств. Главная сила польского пролетариата — это его солидарность с пролетариатом всех национальностей, имеющих в российском государстве, а эта сила может быть действенной только против царизма в борьбе за завоевание политической свободы во всем государстве. Поэтому национальный вопрос может быть решен только путем свержения царизма, введения демократической республики, одновременного завоевания самоуправления для нашей страны. Окончательное же решение вопроса — только в осуществлении социализма. Ход событий убедительно доказал, как неопровержимы эти принципы.

И вот, когда оппозиционные сферы интеллигенции в России не могут осмелиться на какие-либо энергичные действия, когда предсказание о национальных движениях

* Так называлась первая политическая организация польского рабочего класса, возглавлявшаяся Людвиком Варыньским. *Ред.*

у нас не оправдывается, рабочий класс, пролетариат, прошедший школу в двадцатилетней борьбе с царизмом, почти с первой же попытки становится по всему фронту на бой с царизмом. Вследствие отсутствия политической подготовки могли быть ошибки, но даже в этих ошибках проявляется революционная сила и они могут быть сейчас же исправлены.

Таким промахом, ошибочным шагом было решение рабочих в Петербурге пойти стотысячной толпой в Зимний дворец, чтобы добиться политической свободы лично от царя. Не могло быть сомнения, каков будет ответ, не могло быть сомнения, что правительство, руководителем которого является царь, уступит только революционной силе. Поэтому безразлично, услышит ли лично царь требования рабочих, или нет. Ошибочным было то, что такой мощной демонстрации по совету Гапона придали несоответствующую форму заверениями, что рабочие идут с «мирными намерениями». Представители правительства лучше Гапона знали, что нет и речи о «мире», что между царем и рабочим классом речь может идти только о борьбе. Но несмотря на это, день 22 января в Петербурге стал памятным днем в истории революционного движения, памятным днем в мировой истории! Царское правительство встретило ружейными залпами «мирное» шествие рабочих, хотело утопить революционное движение в море крови, но гром этих выстрелов стал сигналом к борьбе, в которой должен погибнуть царизм. Тысячи трупов пали на улицах царской столицы, но за каждую из этих жертв встали тысячи мстителей, которые поклялись уничтожить царизм.

День 22 января не был началом борьбы пролетариата против царизма. Эту борьбу давно уже ведет авангард рабочего класса, сознательный и организованный отряд рабочих, но этот день станет памятным тем, что петербургская резня всколыхнула широчайшие массы рабочих, что эти массы присоединились к действиям революционных организаций.

Какую форму должна была принять борьба в результате этого волнения масс? Ответ не искали долго: никакой вождь не выдумал его, никто его не сформулировал, никто не отдал приказа, пролетариат нашел его своим классовым инстинктом — всеобщая стачка!

Каких же результатов мы можем ожидать от всеобщей стачки при таких условиях?

Не может быть и речи о том, чтобы путем всеобщей стачки рабочие достигли окончательной цели, чтобы они взяли власть в свои руки и основали социалистический строй. Наиболее важная причина состоит в том, что не все рабочие являются ныне социалистами, что даже там, где существует политическая свобода, где тысячи газет и журналов открыто проповедают евангелие социализма, лишь часть рабочих полностью сознает свои классовые интересы. Всеобщая стачка будет способствовать пониманию требований рабочих. В настоящее время положение таково, что во всем российском государстве каждый фабричный рабочий понимает, что царское правительство является его прямым врагом, что это правительство, отказывая ему в свободе, не дает ему возможности отвоевать у фабриканта более высокую заработную плату, более короткий рабочий день и лучшие условия труда. Сегодня каждый рабочий знает на собственном опыте, что это «отцовское» правительство посылает казаков, когда рабочие добиваются прибавки у фабриканта, что это «мудрое» правительство сажает людей в тюрьмы, если вскрыет какое-либо собрание, на которое сошлись рабочие, чтобы взаимно просвещать себя по различным вопросам, что это правительство во главе с царем «миротворцем» посылает сотни тысяч рабочих на бойню, на неизбежную смерть, на преступно начатую войну.

И в самом деле, рабочие, вовлекаясь в стачку, выдвигали повсюду не только экономические требования, но одновременно и политические, *они требовали политической свободы!*

Тут проявилась подготовка, приобретенная многолетней классовой борьбой. Рабочий класс в России оказался на высоте своей исторической задачи. Стачное движение, охватившее рабочие массы, было борьбой, направленной против правительства и буржуазии, и одновременно имело огромное *агитационное и организационное значение*. Миллионы рабочих впервые узнали о рабочих организациях, впервые поняли значение политической свободы. Словом, стачечное движение способствовало тому, что классовая сознательность среди рабочих за дни стачки возросла во столько раз, во сколько в нормальное время она возросла бы только за целые годы.

Правительство ответило на эти стачки резней, ответило тем, что хотело при помощи своих шпииков вызывать

беспорядки против евреев. Эти преступные попытки не удались. Рабочие, сознавая свою политическую цель, действовали дружно, кровь еврейских и христианских рабочих была пролита на улицах Варшавы, на баррикадах в Лодзи, рабочая солидарность разгорелась жарким огнем.

Каковы дальнейшие судьбы борьбы, начало которой положило стачечное движение? На этот вопрос никто точно ответить не может. В революционной борьбе, как на войне, никогда не известно, что принесет завтрашний день, задача же состоит в том, чтобы быть готовым ко всему. От кровавого январского дня в Петербурге до боев на баррикадах в памятные дни 23 и 24 июня в Лодзи революционное движение пролетариата чрезвычайно усилилось, а мощь царизма уменьшилась в такой же степени.

Множится число случаев, когда солдаты отказываются повиноваться, не хотят быть палачами, не хотят стрелять в народ. Мы были свидетелями небывалого в мировой истории случая: военное судно плавало под красным революционным флагом, вся эскадра отказалась исполнять приказ, когда хотели наказать взбунтовавшихся матросов броненосца черноморского флота «Потемкин». Можно не только надеяться, но почти быть уверенным, что чем дальше будет продолжаться революционная борьба, тем многочисленней будут такие случаи. Солдаты, которые сегодня отказываются подчиняться и не стреляют в народ, завтра могут встать на сторону этого народа. Тогда начнется вооруженная борьба рабочего люда, поддержанного товарищами — солдатами, против той части армии, которая встанет на стороне царизма.

Может быть и так, что царизм, видя поколебленной свою последнюю опору, уступит добровольно. Желая спасти, по крайней мере, часть своей власти, царь и чиновничий класс пожелают ввести конституцию, но такую конституцию, при которой рабочий народ получит как можно меньше прав. Не подлежит сомнению, что в таком случае буржуазный класс будет действовать совместно с правительством, будет стараться выторговать как можно больше прав для себя, а рабочему народу, который своей кровью завоевал эти уступки у царизма, захочет бросить только объедки. Рабочий класс снова должен будет встать на страже своих интересов, на страже свободы.

Словом: какие бы ни были дальнейшие судьбы революции, *рабочий класс может рассчитывать только на собственные силы*. Он должен напрячь все силы и быть готовым на все. Имея главной целью социализм, он должен завоевать самую большую политическую свободу и завоюет ее.

7. ТРЕБОВАНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

Рабочий класс добивается конституции, прежде всего, потому, что эта конституция может дать ему возможность достичь окончательной цели — социализма. Однако же конституция конституции не равна.

В стране, имеющей конституционное правление, население может иметь больше или меньше прав. Может быть конституция, при которой голосуют и избирают представителей только богачи, может быть конституция, при которой право на забастовки и собрания ограничено. Далее, может быть конституция, при которой монарх сохраняет очень много прав и привилегий, может быть конституция, при которой вообще нет монарха, а имеется республиканское правительство, избираемое всем населением. Если рабочий класс принудит правительство к уступкам, к изданию конституции, то как правительство, так и буржуазия будут стараться отуманить рабочих так же, как отуманивали и обманывали рабочих правительства и буржуазия в Западной Европе. Вот поэтому мы видим уже теперь, что «либералы» в России, представители буржуазии, поскольку эта буржуазия ощущает потребность в конституции, оглашают в своем заграничном издании проект такой конституции, при которой рабочий народ имел бы еще меньше прав в будущем конституционном российском государстве, нежели он имеет, например, сегодня в Германии. Поэтому необходимо, чтобы рабочие точно знали, чего, какой конституции они должны требовать.

Рабочие, используя опыт своих товарищей в других странах и сознавая свои цели, должны выдвигать требования, точно гарантирующие их права. Назовем здесь самые важнейшие из этих требований:

1) Законодательство принадлежит народу, народ осуществляет его непосредственно, утверждая законопроекты путем всеобщего голосования, либо косвенно, через постоянное законодательное собрание, в которое избирает своих представителей.

2) За осуществлением законов наблюдает республиканское правительство, члены которого непосредственно избираются народом на определенный срок.

3) Все служащие также избираются народом.

4) Все выборы в парламент, в правительство и на служебные посты происходят на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования всех взрослых (это значит в возрасте свыше двадцати лет) мужчин и женщин.

5) Для нашей страны мы требуем самоуправления, ибо только самоуправление дает гарантию устранения всякого рода национального гнета и является необходимым для культурного развития.

6) Постоянная армия ликвидируется, вместо этого каждый гражданин обязан защищать страну от внешнего врага в случае нападения и в этих целях должен проходить военную подготовку. Каждый взрослый мужчина вооружается и обязан браться за оружие по зову выбираемых командиров для защиты прав народа, на случай какого-либо покушения на эти права. Милиция никогда не может быть использована против рабочих в случае какого-либо экономического спора. Приказам такого рода граждане не обязаны подчиняться. Споры с другими государствами должны разрешаться мировыми судами.

7) Обеспечивается личная свобода и неприкосновенность личности каждого гражданина, а также абсолютное равенство перед законом.

8) Свобода забастовок, собраний, объединений, свобода совести, религии, слова и печати неприкосновенны.

9) Отделение церкви от государства. Это значит: государство не может не только навязывать кому-либо религию, но и вообще не имеет права вмешиваться в вопросы вероисповеданий. Религия является личным делом каждого человека. Расходы же на содержание костелов и ксендзов должны нести лица, исповедующие данную религию, если они будут иметь желание делать это добровольно.

10) Школы бесплатны, начальное обучение обязательное; школы для высшего образования доступны для всех способных учеников и учениц.

11) Врачебная помощь бесплатна для всех.

12) Судьи избираемы народом. Уголовные процессы рассматриваются судом присяжных.

13) Все общественные расходы в волости, стране и во всем государстве покрываются из прямых, прогрессивных налогов, так чтобы по мере роста зажиточности налог возрастал *. Все косвенные налоги отменяются.

14) Железные дороги, как и вообще каждая отрасль производства, по решению, принятому всем населением, могут быть изъяты в собственность государства.

15) Законодательство по защите от чрезмерной эксплуатации рабочих, а именно: а) рабочий день, ограниченный законом до 8 часов в сутки и не выше; б) труд детей до 14 лет запрещается; в) ночной труд разрешается только исключительно в таких предприятиях, где по техническим причинам нельзя прерывать работу (например, при доменных печах), либо в таких, где работа необходима для всеобщего блага (освещение городов ночью и т. п.); г) еженедельно 36-часовой перерыв (празднование воскресенья) для каждого рабочего.

16) Страхование рабочих на случай болезни, увечья, нетрудоспособности, а также и по старости.

Таковы главные требования для того, чтобы обеспечить рабочему классу защиту от политического гнета и чрезмерной экономической эксплуатации.

Но мы должны помнить, что в политике играют решающую роль не пожелания, не добрые намерения, а только сила. Лассаль когда-то в нескольких словах определял, чем является конституция: это, говорил он, не лист бумаги, на котором записаны в произвольном порядке те или иные права, но это запись взаимоотношения общественных сил.

Применив то, что этот рабочий вождь сказал о Пруссии, к отношениям, существующим в российском государстве, мы говорим: в этом государстве одной из общественных сил является царь и его правительство вместе с чиновничьим классом. Это правительство до тех пор является силой, пока оно располагает армией. Второй силой является имущий класс, буржуазия и дворянство; этот имущий класс владеет орудиями производства и в этом состоит его мощь. Третья сила — это крестьянство, вся значимость которого состоит в его массовости и во вла-

* Например, кто имеет менее 300 рублей годового дохода — не платит налога; кто имеет 300 рублей дохода, платит один рубль налога; кто имеет 600 рублей, платит уже не 2, а 4 рубля и так далее.

дении земель. Четвертая сила — духовенство, имеющее большее влияние на население. Пятая сила — рабочий класс.

Этот рабочий класс может быть почти всемогущим, либо почти бессильным. Каждый рабочий, взятый отдельно, бессилен, он отдан на произвол эксплуатации, он не имеет возможности оказать сопротивление гнету. Объединенные в один великий класс, сознающий свои интересы, действующий солидарно, готовый на жертвы за свои общие интересы, они являются огромной мощью.

Ныне дело идет к тому, чтобы свергнуть царское правительство; борьбу за это ведет собственными силами рабочий класс, но когда мы завоюем политическую свободу, когда дело дойдет до установления новых юридическо-государственных отношений, начнется столкновение сил, о которых мы говорили выше. Царь и его приверженцы будут, очевидно, выступать против республики, будут добиваться, чтобы правительство было монархическим, будут добиваться большой армии, остающейся под властью царя, будут добиваться такого осуществления всех общественных вопросов, при которых чиновники остаются у власти. Буржуазия и дворянство снова будут добиваться, чтобы собственность не была ничем нарушена, чтобы законы гарантировали преимущества богатых над бедными. Духовенство захочет удержаться при власти. Между царизмом, буржуазией, духовенством будут мелкие споры, возникнут даже споры внутри каждой группы (например, купцы будут во многих вопросах требовать чего-либо иного, чем фабриканты, землевладельцы чего-то другого, чем городская буржуазия, мелкие мастера будут требовать цехового самоуправления, фабриканты — свободы промышленности; так же будут переругиваться православные и католические попы и т. д. и т. п.), но все эти группы будут солидарны в том, чтобы предоставить как можно меньше прав рабочему народу. Следовательно, только тогда рабочий класс будет в состоянии получить возможно больше для себя, если он выступит со всей своей мощью, то есть, если рабочие, как один человек, встанут за свои требования, если они будут готовы даже кровь проливать за свои права. От нас самих зависит наша судьба!

Но борясь за свои классовые интересы, пролетариат борется одновременно за благо всего человечества. Каждый класс имеет свои цели, противоположные интересам

других людей, каждый стремится к выгоде за счет других, каждый хочет господствовать, хочет эксплуатировать. Только рабочий класс стремится к тому, чтобы прекратилась всякая эксплуатация, всякий гнет, чтобы прекратилось всякое господство одних над другими.

Этой благородной цели рабочий класс достигнет только тогда, когда, ликвидируя капиталистический строй, он введет социализм. Но уже и тогда, когда этот класс, свергая царизм, стремится к новым политическим органам, он единственный добивается наиболее широких прав для всех людей, становится защитником прав народа и выступает в интересах культуры и прогресса.

С несравнимым героизмом рабочий класс начал борьбу с царизмом. Во времена, когда этот царизм казался всемогущим, когда весь мир дрожал перед его силой, революционный пролетариат поднялся на борьбу с ним. Ужасны были жертвы в этой борьбе, но виселицы, казни и Сибирь не отпугивали борцов, не останавливали революционный пролетариат в его движении к свободе. Пришло время окончательного расчета, на борьбу с чудовищным царизмом встали многотысячные отряды рабочего народа. Тяжелы были жертвы, потоками полилась кровь на улицах Петербурга, Варшавы, Лодзи, Киева, Одессы. Но ни жертвы многолетней подготовительной борьбы, ни кровавые жертвы, понесенные в открытой революции не были напрасными. Уже заколебались опоры царизма, уже революционный пролетариат приобрел ничем не одолимую силу. Каждый день приносит новые поражения царизму, приносит новый триумф революционному делу. Нас ожидают новые бои, быть может еще более кровавые и тяжелые, но наша победа, победа революционного дела уже сегодня несомненна! Против нас объединились все силы реакции, все стихии темноты и угнетения, мы рассчитываем только на себя, мы верим только в свою идею, в идею освобождения всего человечества и во имя этой идеи должны победить.

Краков, 1905 год.

*Перевод с польского сделан по
тексту книги: Ю. Мархлевский.
Избранные сочинения, том II,
Варшава, 1956, стр. 185—226*

ИМПЕРИАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Во второй половине девяностых годов начался новый период бурного развития капитализма. Со времени мирового кризиса 1873 г. до этого периода экономическое развитие шло относительно медленно и спокойно. Капиталистическое производство, которое развилось в Англии, этой владычице мировых рынков, постепенно распространилось на государства европейского континента и Соединенные Штаты Америки. С социальной точки зрения это развитие одновременно означало полное вытеснение ремесленного производства капиталистическим, пролетаризацию мелких производителей и образование все более многочисленного класса наемных рабочих. Начинаясь в девяностых годах интенсивное экономическое оживление, частые периоды высокой конъюнктуры, прерываемые лишь кратковременными кризисами, указывают на то, что наступил конец экономического периода, заключавшегося, прежде всего, в *распространении капитализма внутри* передовых государств, одновременно это знаменует начало нового периода, характеризующегося очень сильными изменениями внутренней структуры капиталистических отношений производства и собственности, также как и новой, значительно более интенсивной *всемирной экспансии* капитала.

Насколько предыдущий период характеризовался, прежде всего, борьбой капиталистического производства с отсталыми способами производства, настолько в настоящее

время крупный капитал ведет победоносную борьбу с мелким и средним капиталом и упрочивает свое нераздельное господство над экономикой. Промышленность, производящая средства потребления, которые служат для удовлетворения непосредственных жизненных потребностей, была отодвинута на второе место. Ведущую роль играют те отрасли производства, которые поставляют сырье и средства производства. Мелкая и среднекапиталистическая, в соответствии с нашими нынешними понятиями, текстильная промышленность давно уже должна была уступить свое некогда первое место крупнокапиталистическим отраслям промышленности — горной, металлургической, машинной, химической и электрической.

Одновременно произошло принципиальное изменение организационных форм промышленности. Все более исчезает самостоятельный капиталист, как единый владелец предприятия, его место занимает *акционерное общество*, в котором производством руководят оплачиваемые капиталом служащие. Форма акционерного общества в огромной степени облегчает мобилизацию даже самых крупных капиталов и дает возможность таким образом вести производство на самом высоком техническом уровне. Образование акционерных обществ создает вместе с тем повод для получения чрезвычайных учредительских прибылей и становится тем самым, наряду с биржевой спекуляцией лиц, знающих тайники акций, успешным методом сколачивания крупнейших капиталистических состояний.

Кроме того, акционерное общество неизмеримо облегчает объединение отдельных, когда-то самостоятельных предприятий в одно предприятие. Именно это стремление к концентрации характерно для современной крупной промышленности. Подобно тому, как исчезает отдельный предприниматель, все более исчезает также и прежнее обособленное предприятие, оно стремится к объединению, к комбинированию всех фаз производства, от производства сырья вплоть до готового изделия. Таким путем в рамках одного предприятия объединяется добыча угля и руды, производство чугуна и переделка его в сталь с переработкой в прокатном цехе стали в балки и рельсы, лист и проволоку, включая перевозку этих изделий. Размеры отдельных капиталистических предприятий постоянно возрастают, а их слияние вызывает создание ги-

гантов, ставших ныне типичным явлением для так называемой тяжелой промышленности.

Вместе с вышеуказанной огромной концентрацией промышленности банковский капитал все более переплетается с промышленным капиталом. Банки накапливают временно бездействующие деньги капиталистов и других классов населения и предоставляют их в распоряжение промышленников. А чем крупнее предприятия, тем большее значение имеет для них возможность распоряжаться банковскими кредитами для быстрого использования любой конъюнктуры. Форма акционерного общества усиливает влияние банка. Ведь именно банки выпускают акции и распространяют их, контролируют состояние курсов на бирже и, наконец, то в качестве владельца акций, то в качестве представителя многих акционеров пользуются правом голоса и захватывают господство на общих собраниях акционеров. Чем крупнее, однако, промышленное предприятие, тем крупнее должен быть также и банк, с которым такие предприятия могут сотрудничать. Итак, мы видим, что параллельно с концентрацией в промышленности, и даже в значительно большей степени, прогрессирует концентрация в банковском деле, и настолько далеко, что сегодня шесть больших берлинских банков, с капиталом свыше 100 млн. марок каждый, фактически управляют экономической жизнью Германии. Таким путем *финансовый капитал* все более объединяет в своих руках экономическую силу буржуазного общества.

Однако с ростом размеров предприятий растет и опасность конкуренции. Если какое-либо богатое капиталами, технически лучше оборудованное предприятие имеет своим противником предприятие более слабое и более отсталое с технической точки зрения, тогда результат конкуренции несомненен. Сильнейшее предприятие не видит причин, чтобы уклоняться от борьбы, а наоборот, стремится к ней, ибо после победы ему достанется весь прежний рынок сбыта конкурента. Иначе, однако, обстоит дело, когда друг против друга выступают несколько крупных, приблизительно одинаково сильных предприятий. Тогда нет уверенности в исходе, известно только, что борьба будет длительной и повлечет за собой огромные потери для всех участников. Отсюда порождается стремление к устранению конкуренции, к избежанию борьбы, к соглашению в целях совместного установления размеров

производства, взвинчивания цен и монополизирования рынка. Эти стремления крупной промышленности встречают полную поддержку крупных банков, потому что банк, который, например, предоставил кредит нескольким металлургическим заводам, должен опасаться, что он сам понесет ущерб, вытекающий из конкурентной борьбы. Таким образом банк использует свое большое влияние, чтобы склонить к соглашению даже тех, кто противится этому. Следовательно, в конечном результате капиталистической конкурентной борьбы возникает, как мы видим, стремление к избежанию конкуренции и замене ее капиталистической монополией. *Картели и тресты* все более подчиняют себе экономическую жизнь. Ушли в прошлое времена свободной конкуренции основных отраслей промышленности в пределах отдельно взятых капиталистических государств. Монополистическая эксплуатация приносит магнатам капитала неслыханные прибыли. Концентрация капитала чрезвычайно быстро продвинулась вперед. Три дюжины человек господствуют в Соединенных Штатах над огромным производством этого гигантского государства, 300 человек, знакомых между собой, господствуют, по словам знатока этих отношений Ратенау *, над европейской экономической жизнью. И эту власть сосредоточила в своих руках незначительная горстка организаций. За мощными картелями, поставляющими нынешнему обществу, прежде всего, средства производства и тем самым подчиняющими себе и остальные отрасли промышленности, стоят современные крупные банки. Именно генеральные директора крупных берлинских банков являются сегодня, в первую очередь, повелителями германской экономической жизни и, таким образом, в значительной степени — германского народа.

Если бы этих 300 магнатов капитала заменить доверенными лицами пролетариата, тогда можно было бы сразу же повести производство в интересах трудящихся классов, а не капитала, и начать переход к социалистической

* *Вальтер Ратенау* (1867—1922) — крупный германский капиталист, директор, а затем председатель германской Всеобщей компании электричества (АЭГ), автор ряда экономических сочинений, в которых изображал империализм как «хозяйственную демократию». *Ред.*

организации народного хозяйства. Настолько уже созрела сегодня подготовительная работа, совершаемая капитализмом.

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА

Далеко идущие экономические изменения, о которых мы только что говорили, оказывают, разумеется, очень сильное влияние на экономическую политику капиталистических государств. Они определяют характер современной *торговой политики*. Еще в начале семидесятых годов казалось, что политика свободной торговли, которая была, прежде всего, выгодна для английской промышленности, как более старой и не опасавшейся конкуренции, будет беспрепятственно развиваться. Однако же сопротивление капиталистов континента против свободной торговли все более усиливалось. Ибо свободная торговля отдавала молодую и борющуюся с трудностями промышленность европейского континента на милость и немилость значительно более сильной английской промышленности. Европейские промышленники не имели желания нести издержки этой английской конкуренции. Поэтому они хотели переложить их на массы отечественных потребителей при помощи охранительных пошлин. Барьер этих пошлин должен был, кроме того, защищать отстающую немецкую промышленность от всемогущего соперника до тех пор, пока она окрепнет настолько, что без опеки государства сможет предпринять борьбу за мировые рынки. Покровительственные пошлины должны были облегчить ей переходный период. Тяжелый кризис, который пронесся в 1873 г. по капиталистическому миру, усилил в промышленности тенденции таможенного протекционизма.

Это направление вскоре нашло себе сильных союзников среди *аграриев*. Германия из страны, экспортирующей зерно, стала его импортером. При этом давала о себе уже знать заморская конкуренция, которая вызвала многолетнюю тенденцию к снижению цен на зерно. Помещики все более превращались из страстных сторонников свободной торговли в горячих поборников охранительных пошлин. Кроме того, здесь сказывалась и заинтересованность государственной казны в изыскании новых источников доходов. Поворот наступил в 1879 году, когда

Бисмарк начал так называемую национальную экономическую политику. Свободная торговля, которая, как одно время казалось, должна была овладеть миром, испытала решительное поражение.

Дальнейшее развитие капитализма постепенно изменило смысл промышленной политики охранительных пошлин. Германская промышленность сильно укрепилась и с технической точки зрения могла вполне смело выступить против любой другой промышленности на мировом рынке. Некоторое время казалось, что это вызовет постепенный отказ от политики охранительных пошлин и что эта политика будет заменена, если уж не политикой свободной торговли, то по крайней мере системой многолетних торговых соглашений с низкими таможенными ставками. Поборником такой политики, принципам которой отвечали торговые соглашения 1893 г., стал Каприви*.

Однако же вскоре эта политика встретила с растущим сопротивлением. Хотя заморская конкуренция потеряла свою остроту, но цены на хлеб удержались на относительно низком уровне. Снижение таможенных пошлин на сельскохозяйственные продукты вызвало снижение цен на землю. Аграрии почувствовали, что под угрозой находятся их наиболее жизненные интересы. Повышение пошлин на сельскохозяйственные продукты стало боевым лозунгом, при помощи которого помещики объединили вокруг своего Союза земледельцев все слои деревни.

И снова на помощь им пришла промышленность. Именно представители самых сильных и наиболее развитых отраслей промышленности двинулись в бой за высокие охранительные пошлины. Опыт научил их, что эти пошлины, не допускающие иностранной конкуренции, являются великолепным средством, облегчающим картелизацию. Отныне картели могли легко регулировать соотношение спроса и предложения на внутреннем рынке так, чтобы цены товаров, охраняемых пошлинами, постоянно были выше цен на мировом рынке, чтобы разница между этими ценами равнялась размеру пошлин. Охранительные пошлины в качестве покровительственных пошлин стали излишними для давно уже окрепшей промышленности. Они стали *обогатяющими пошлинами*, наилучшим сред-

* *Георг Лео Каприви* (1831—1899) — имперский канцлер Германии (после отставки Бисмарка) в 1890—1894 гг. *Ред.*

ством создания тепличных условий для картелей. Монополизированные отрасли промышленности получили таким путем возможность увеличить цены на свои товары на величину пошлины и обложить этим косвенным налогом массы потребителей.

Такого рода обогащающие пошлины должны были объединить магнатов картелей с аграриями, гребущими поземельную ренту. Из этого объединения возник тот ростовщический таможенный тариф, результаты которого перед лицом бешеного роста стоимости жизни уже не являются ни для кого тайной.

Политика охранительных пошлин разорвала то, что должна была объединить свободная торговля. Она поделила мировой рынок на отдельные экономические районы и одновременно усилила противоречия, являющиеся результатом капиталистической экспансии. Монополизация при помощи защитительных пошлин была для национального капитала настолько выгодным методом, что он не легко решился на применение его только на территории национального экономического района. Государства, применявшие охранительные пошлины, старались во все большей степени сохранить отдельные части мирового рынка исключительно лишь для своей эксплуатации. Капиталистические государства все настойчивей шли на завоевание новых колоний и защиту их от иностранных конкурентов при помощи таможенных барьеров.

3. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Период бурного развития капитализма означает одновременно огромный *рост производства*, требующий сбыта. Это иллюстрируют цифры производства угля и железа в период от 1890 до 1910 г.

Производство угля в тысячах тонн:

	1890 г.	1900 г.	1910 г.
Германия	89 281	149 788	222 302
Англия	184 529	228 795	268 007 (1909)
Соединенные Штаты	143 127	244 653	397 000 (1909)

Производство чугуна в тысячах тонн:

	1890 г.	1900 г.	1910 г.
Германия	4 658	8 521	14 794
Англия	8 031	9 103	10 547
Соединенные Штаты	9 350	14 011	27 737

Это возрастающее в стремительном темпе производство одновременно означает усиленное накопление богатств в руках сконцентрированного крупного капитала, картелей и трестов. Однако сбыт на внутреннем рынке ограничен, поскольку капитал держит массы населения в ярме эксплуатации. Он стремится, чтобы рабочий ограничивался тем, что необходимо для его существования. Социалистическое же общество использовало бы все эти огромные средства производства для создания того, что необходимо населению *данных государств*. Но капиталисты ищут новых рынков, новых районов сбыта и эксплуатации *за границей*, чтобы продавать свои товары с возможно большей прибылью.

Стремление к экспансии всегда было характерным для капиталистической политики, в настоящее время, однако, оно значительно усилилось. Капиталисты уже не удовлетворяются сбытом своих изделий в виде товаров, например, продажей ситца жителям Индии или Южной Америки. Они хотят экспортировать свои товары в форме *капитала*. Они перебрасывают капитал в наиболее недоступные части земного шара, строят там железнодорожные и телеграфные линии, закладывают шахты, строят самые большие фабрики и оборудуют их современнейшими средствами производства. Это распространение капитализма на весь мир создает необходимые рынки сбыта для увеличившегося в огромных размерах производства старых капиталистических государств. В странах, куда достигает своей победоносной пятой капитал, он преобразует вместе с введением капиталистического способа производства все старые традиционные отношения, уничтожает отсталые методы производства, разоряет и пролетаризирует их представителей, коренным образом изменяет все социальные отношения и одновременно с экономическим переворотом создает условия для политического переворота. Таким образом, экспорт капитала стал важнейшим экономическим средством господства капитала над миром.

4. ИДЕАЛ ИМПЕРИАЛИЗМА

В то время как капитал все более стремится к превращению всего земного шара в поле деятельности своей эксплуатации и к более интенсивному преобразованию мира в единый экономический район, политика охранительных пошлин вновь разрывает этот район на отдельные части, эксплуатация которых должна быть монополией отдельных национальных групп капиталистов. Стремлением каждой группы капиталистов становится максимальное увеличение своей части. Так политика охранительных пошлин усиливает противоречия между государствами. Каждое государство старается вытеснить остальных с мирового рынка, каждое из них делает усилия, чтобы присвоить себе силой как можно большую часть этого рынка. Так, следовательно, капиталистическая политика экспансии в соединении с политикой охранительных пошлин становится политикой колониальных захватов. Порождается идеал капиталистов — превращение собственного государства за счет всех остальных в мировое государство, в *империю* такого объема, который позволил бы удовлетворить все экономические потребности капитала в границах этого империализма. А так как капиталисты при своей еще более гибкой экономической и политической организации все более беспощадно подчиняют себе государственную власть, так как бюрократия и армия видят, что такого рода политика обеспечивает их интересы и увеличивает их силу, то империалистическая политика все более становится политикой всех капиталистических государств. Английские сторонники свободной торговли когда-то предвещали капиталистическому миру вечный мир между народами. Ныне эта идея становится предметом насмешек и издевательств. Ее место занимает апофеоз войны и насилия, а *завоевание колоний* становится главным содержанием внешней политики.

Целью этой колониальной политики не является уже завоевание переселенческих колоний, в которые мог бы направляться излишек населения. Такой колонией являлись для Англии в XVIII веке нынешние Соединенные Штаты Северной Америки. Ведь в развитых капиталистических индустриальных странах уже нет прежнего излишка населения. Наоборот, в результате капиталистического развития постоянно сокращается *прирост*

населения, слабеет этот важный стимул культурного прогресса. Во всех промышленных государствах мы наблюдаем быстрое падение числа рождаемости и только снижение смертности является причиной того, что эти государства имеют до сих пор прирост населения. А это происходит в период, когда быстрое развитие производства требует все новых и новых масс рабочих. В этих условиях *эмиграция* из Германии сократилась до минимальных размеров. В 1910 г. из Германии выехало всего 25 000 человек, в то время как немецкий капитал ежегодно втягивает в орбиту своей эксплуатации $1\frac{1}{2}$ миллиона иностранцев, представляющих дешевую рабочую силу. Доказательством того, что эмиграция не имеет ничего общего с современной колониальной политикой, является факт старательного уклонения эмигрантов от выезда в германские колонии. Так, например, в 1910 г. не менее 22 733 человек выехало в Соединенные Штаты, в то же время в Азию и, соответственно, в Африку отправилось за все последние десятилетия всего лишь 596 немцев. Попытка доказать, что колониальная политика имеет своей целью создание новых мест поселения для немецких рабочих и крестьян, является поэтому бессовестным, демагогическим обманом. Колониальная политика служит в действительности совершенно иным, чисто капиталистическим целям.

Значительное хозяйственное оживление, отмечающееся со второй половины девяностых годов, вызвало большое повышение цен на промышленное сырье, особенно на металл и хлопок. Картели и тресты, с одной стороны, биржевые махинации, с другой, вызвали дальнейший рост дороговизны. Капиталисты стараются открыть в колониях новые источники сырья, они ищут территории, природные богатства которых могли бы стать монополией крупных капиталистических компаний, или местом производства для мирового рынка технических растений, и прежде всего хлопка, при помощи порабощенных туземцев. Следовательно, целью империалистов являются не переселенческие колонии, а *колонии для эксплуатации*. Одновременно, захват колоний означает открытие для крупного капитала желанного рынка сбыта его продуктов. Строятся железные дороги, рентабельность которых должны гарантировать предпринимателям налогоплательщики, основываются порты, откры-

ваются новые корабельные линии, обильно субсидируемые государством, закладываются шахты, у туземцев отбирается земля для плантаций. Ко всему этому присоединяется дикая спекуляция землей и биржевая спекуляция. Результат: ничтожная горстка магнатов капитала распоряжается новыми богатствами. Чтобы, однако, максимально использовать колонии, капитал должен иметь ничем не связанную свободу действий. Он должен, прежде всего, совершенно свободно распоряжаться землей и рабочей силой туземцев. Поэтому туземцы лишаются прав, у них отбирают землю, быстро и насильственно их пролетаризируют и заставляют поддаться без сопротивления жесточайшей капиталистической эксплуатации. Если же они не поддадутся добровольно, если они, доведенные до отчаяния, попытаются защищаться, тогда вмешивается государственная власть, а европейские рабочие должны в качестве солдат умирять «восстание» и в качестве налогоплательщиков нести расходы «покрытых славой» колониальных войн. Эти *методы насилия* составляют существо колониальной политики, которая без них утеряла бы свой капиталистический характер. Нельзя серьезно относиться к той точке зрения, будто можно осуществлять колониальную политику без применения методов насилия. Это так же невозможно, как сохранение капитализма при одновременной ликвидации пролетариата.

Капиталистический класс каждой страны старается сохранить свою колонию исключительно для себя и устранить иностранных капиталистов. Он во все большей степени отказывается от принципа свободной торговли — от принципа открытых дверей, а колонии также включает в закрытый таможенным барьером район. Отсюда каждое колониальное завоевание вызывает зависть и протест капиталистов остальных стран. Таким образом, колониальная политика — неизбежный результат политики охранительных пошлин. Она становится *постоянно глеющим очагом военных интриг* между великими капиталистическими государствами.

5. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НАСИЛИЯ

Мы видели, как экспорт капитала стал экономическим средством покорения мира. Посмотрим теперь, каким путем политика ставится на службу капитала.

В то время как буржуазные партии развитых капиталистических наций образуют все более сплоченный фронт против нажима рабочего класса и все более громко высказывают свое отвращение к революции, — они даже вымарали бы из учебников истории всякое упоминание о великой революционной эпохе, — капитализм снова становится великим революционером, а *насилие* — акушеркой новых форм развития.

Это насилие действует двояко: как революция и как война. Капитализм все настойчивей пробирается в старые аграрные государства Востока. Он взрывает все прежние социальные отношения, создает современный класс буржуазии, а она, в свою очередь, становится носителем революционных перемен, устремляясь, как в Японии, Турции, Персии и Китае, против прежней государственной власти или же выступая в форме национального движения, как это было в Индии или Египте, против иностранного господства. Одновременно недовольство, расширяющееся в этих странах и неизбежно приводящее к революции, представляет для великих капиталистических держав случай использовать переходную слабость таких государств в целях их ограбления или полного захвата. В условиях существующих глубоких противоречий в капиталистическом мире эти революционизированные государства становятся новым *очагом кризисов*, обостряют опасность войны.

И по существу, период экономического переворота одновременно является и *периодом войн*.

1894 год — начало *китайско-японской войны* — предвещает миру пробуждение Азии, указывает на то, что там, на самом дальнем Востоке, среди презираемой желтой расы капитализм довел дело до создания нового государства, национального государства по европейскому образцу, оснащенного техникой европейской промышленности и человекоубийственной техникой европейского вооружения, со всеми крайностями европейского национализма и шовинизма.

Соединенные Штаты, страна самого молодого и наиболее концентрированного капитала, начинают в 1896 г. свою первую большую колониальную войну и захватывают у *Испании* самую ценную часть ее колониальных владений. Захват Филиппин приводит к тому, что Соединенные Штаты заинтересованы во всем, что предприни-

мается на Дальнем Востоке. Они добиваются от Англии путем дипломатических переговоров отказа от строительства Панамского канала, захватывают районы, через которые он проходит, и заканчивают его с лихорадочной быстротой, чтобы соединив Атлантический океан с Тихим, предоставить своему быстро растущему военно-морскому флоту выступать в качестве решающего фактора во всех крупных событиях на обоих океанах. Одновременно американский монополистический капитал овладевает экономически *Центральной и Южной Америкой*, ломая всякое сопротивление против его вторжения путем финансирования в сопротивляющихся государствах «революций», используемых затем в соответствии с собственными нуждами.

Вслед за этой самой молодой капиталистической страной идет старая капиталистическая держава — Англия. В 1899 г. она вела *войну с бурами* за золотоносные районы и алмазные россыпи и превратила Южную Африку в английскую колонию.

Страсть к колониальным захватам охватила всю Европу. Япония показала не только собственную силу, но и слабость Китая, что породило мечту о *разделе Китая*: Германия, Англия, Россия, Франция и Япония оккупируют части китайской империи и думают о разделе Китая на сферы влияния для подготовки будущего делажа. Такие действия пробудили в Китае народное сопротивление. Боксерское восстание показало нахамам грозную опасность. Организуется известный поход гуннов. Войска европейских государств, Японии и Соединенных Штатов во главе со «всемирным маршалом» графом Вальдерзее * вступают в Пекин. Разъяренная военщина привела в себя восставших китайцев. Реформаторское движение, стремление к превращению Китая в современное милитарное государство по образцу Японии, быстро набирает силу и перерождается, в конце концов, в *революцию*. Европейский капитализм совершил новый большой революционный подвиг. Старейшее и наиболее консервативное государство на свете (Китай), вот уже тысячелетие

* Граф *Альфред фон Вальдерзе* (1832—1904) — начальник германского генштаба, в 1900 г. возглавлял карательную экспедицию европейских держав против народно-освободительного («боксерского») движения в Китае. *Ред.*

почти не знающее никакого развития, вступает на арену мировой истории и становится новым фактором исторических событий, влияние которых чувствуют и жители Европы.

Япония, другое государство Восточной Азии, в то же время успела уже оказать влияние, и причем решающее, на историю Европы. В самой большой войне последнего времени она сдерживает российскую экспансию в Восточной Азии. Она разбивает знаменитую российскую военную мощь, уничтожает русский флот. В отношении России осуществляется в настоящее время закон, который гласит: последствием войны является социальная революция! Остатки силы государства, не уничтоженные японцами, гибнут теперь в долгой и жестокой гражданской войне. Русский деспотизм побеждает еще раз, но побеждает ценой полного ослабления страны. Фундамент деспотизма загнил.

Победа Японии свидетельствует о пробуждении ото сна сил Азии, а это, в свою очередь, вызывает новый прилив сил у остальных народов, отданных в жертву европейской экспансии. Россия, вытесненная из Восточной Азии, пыталась отыграть там, где могла надеяться на самое незначительное сопротивление. В союзе с Англией она начала выступление против Турции. Ответом явилась *турецкая революция*. Азиатский деспотизм Абдул Гамида * оказался совершенно бессильным перед европейским нажимом. Офицеры армии, которые хотели укрепить оборонную силу старого государства, сами встали во главе революции и добились конституции; султан был свергнут и арестован. Примеру Турции последовали персы.

6. АНГЛИЯ И ГЕРМАНИЯ

Мы видим, что военные события и революционные осложнения с периферии мировых событий все более приближаются к центру Европы; мы знаем, что уже несколько лет продолжается и возрастает опасность войны между великими европейскими государствами. Ее

* Турецкий султан Абдул Гамид II был низложен в 1902 году «младо-турками» (так называлась буржуазно-революционная партия). *Ред.*

непосредственная и наиболее сильно действующая причина — *противоречия между Германией и Англией*. Англия, бывшая длительное время всемогущим господином всемирного рынка, является одновременно самой крупнейшей колониальной державой. С момента создания империи Германия семимильными шагами догоняет Англию в экономическом отношении. Германская промышленность, между прочим, благодаря высокому уровню немецкой науки и высокому умственному развитию рабочего класса, в который социал-демократия внесла сознание и побудила его к более интенсивной духовной жизни, не уступает сегодня промышленности любой другой страны. Но Германия, как одна из самых молодых капиталистических стран, бывшая в период раздела мира слабой в политическом отношении, не имеет никаких сколько-нибудь значительных колониальных владений. Не только Англия и Франция, но и такие государства, как Бельгия, Голландия, Португалия и Испания, имеют несравненно больше колоний, нежели Германия. Мы уже знаем, однако, что капитал никогда еще до сих пор так, как сегодня, не стремился к расширению рынков, к открытию чужих территорий, к их присвоению и включению насильно в состав своих территорий.

Это стремление господствует в германской внешней политике со времен падения Бисмарка. Пока успехи ничтожны. Однако уже лихорадочными темпами идет работа по созданию того инструмента силы, без которого нельзя проводить империалистическую политику; в относительно короткое время Германия становится второй в мире морской державой и готовится к подрыву английской гегемонии. Противоречия между Германией и Англией, как решающий момент международной политики, выдвигаются на первый план, тем более, что Россия, чрезвычайно ослабленная японской войной и революцией, отпадает на долгое время, как держава, способная к ведению войны. В связи с этим исчезают старые противоречия между Англией и Россией, так долго доминировавшие в международной политике. Пока Россия была сильной, как Германия, так и Англия должны были считаться с тем, что в случае какого-либо конфликта между ними окончательное решение вопроса будет принадлежать России. Встав на стороне любой из воюющих стран, Россия решала исход войны и диктовала бы усло-

вия мира. Теперь это стало невозможным. В своей внешней политике Россия может использовать англо-германские противоречия, причем географические условия принуждают ее опираться главным образом на Англию, флот которой является самым сильным, решающим фактором на территориях, составляющих район российской экспансии. Вместе с Россией на стороне Англии выступают другие старые колониальные державы, и прежде всего Франция. Старому тройственному союзу: Германия — Австрия — Италия противостоит Антанта: Англия — Россия — Франция.

Россия и Англия используют персидскую революцию, чтобы лишить Персию независимости и разделить между собой господство над страной. Австрия провозглашает аннексию бывших турецких провинций — Боснии и Герцеговины, Антанта протестует, опасность войны обостряется. Но военная слабость России в связи с австро-германским перевесом предотвратила столкновение. Один кризис проходит, чтобы уступить место следующему — *марокканскому конфликту* *. Спор, который едва не привел к взрыву мировой войны, кончается компромиссом, однако он в еще большей степени усиливает противоречия между Англией, Францией, с одной стороны, и Германией, с другой, и становится предлогом к дальнейшему ускорению гонки вооружений на море и на суше. Его непосредственным последствием явился итальянский грабительский поход на *Триполи*. Итало-турецкая война ставит на повестку дня *проблему Ближнего Востока* со всеми ее опасностями, ибо Турция является узловым пунктом всех противоречий, вытекающих из соперничества между державами. Ведь Константинополь — один из самых важных стратегических пунктов. Англичане и русские жаждут власти над Константинополем, австрийцы — над Салониками, итальянцы — над албанским побережьем. В азиатской Турции сталкиваются германские, английские, французские и русские интересы, а за остатки Турции европейские государства будут драться до тех пор, пока сами, в свою очередь, быть может станут добычей победоносных держав.

* Имеется в виду дипломатическое столкновение Франции и Германии из-за «интересов» в Марокко в июле 1911 года, которое едва не привело к войне. *Ред.*

На Дальнем Востоке революционный *Китай* является вторым очагом кризисов. Европейские и американские банки стремятся использовать финансовые трудности этого гигантского государства, чтобы ввергнуть его в долговое рабство, которое позднее могло бы привести к политическим вмешательствам. Тем временем Япония и Россия сговорились о расширении своих сфер влияния в Китае в целях захвата огромных территорий Маньчжурии и Монголии.

Таким путем война и революция снова стали для мира повседневным явлением, и, кажется, что содержанием всей буржуазной политики становится подготовка к войне, к *мировой войне за господство над миром*.

7. ИМПЕРИАЛИЗМ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Внешняя политика все более оказывает решающее влияние на развитие наших внутренних отношений. Мы видели, как тесно связана империалистическая политика с системой охранительных пошлин (только Англия по определенным причинам исторического порядка пока представляет собой исключение). Система охранительных пошлин означает, однако, для трудящихся масс *рост стоимости жизни*, причем следует помнить, что и без действия пошлин цены на основные продовольственные товары постоянно растут. Быстрое развитие капитализма предоставляло, как мы видели, привилегию прежде всего крупнокапиталистической промышленности, доставляющей средства производства. Развитие сельского хозяйства не могло выдержать такого темпа. В связи с этим мы наблюдаем во всех странах постоянно растущую *волну дороговизны* съестных припасов и промышленного сырья. Заокеанская конкуренция, которая в прошлую эпоху вызвала снижение цен на зерно, давно уже прекратилась. Однако остались и даже возросли пошлины на продукты питания, невыносимым бременем ложащиеся на стоимость жизни. Одновременно пошлины на промышленные товары безмерно облегчили создание картелей и использование их для взвинчивания цен. Следовательно, к ростовщическим ценам сельскохозяйственных продуктов прибавились ростовщические цены изделий промышленности. Солидарность интересов крупных аграриев и промышленников в области охранительных пошлин объеди-

нила эти группы и политически и соединила их для того, чтобы совместно противостоять борьбе пролетариата за повышение жизненного уровня.

К тяготам, вытекающим из охранительных пошлин, прибавляются огромные *тяготы военных приготовлений и расходов, связанных с колониальными захватами*. Поскольку колониальная политика является политикой насилия, все капиталистические государства стремятся к укреплению инструментов своего могущества, результатом чего является невиданная до сих пор и все ускоряющаяся *гонка вооружений*. К сухопутному и морскому милитаризму присовокупляется милитаризм в воздухе, требующий все больших расходов. Первое место в гонке вооружений занимают Англия и Германия. Увеличение вооружений одной страны влечет за собой еще большее вооружение другой страны. Эта история бесконечна. Гонка вооружений поглощает миллиарды за миллиардами. Германия в 1911 году израсходовала на одно лишь вооружение, вместе с процентами государственных долгов, взятых для этой цели, чудовищную сумму, свыше 1700 миллионов марок. Для германского правительства этого, однако, все еще мало. В 1912 году буржуазные партии отказываются от всякой критики и с энтузиазмом утверждают новый бюджет вооружений, который до 1917 года бросает на съедение сухопутному и морскому милитаризму еще 650 миллионов марок. Немедленный ответ Англии — предварительное увеличение на ближайшие пять лет числа строящихся военных кораблей с 16 до 21 дредноута.

Буржуазный писатель Фрид исчисляет расходы на сухопутное и морское вооружение Германии за десятилетие, 1899—1910 гг., в 11 867 миллионов марок, стало быть почти в 12 миллиардов! Годовые расходы на вооружение европейских государств, согласно официальных военных бюджетов, следовательно без скрытых и косвенных расходов, составили в 1910 г. приблизительно 9—10 миллиардов марок. Еще 20 лет тому назад они составляли всего лишь половину этой суммы. Расходы на вооружение поглощают 40% доходов этих государств, тогда как только 5,6% предназначается на народное образование и 2,1% — на юстицию.

На культурные расходы денег нет, социальная политика замерла; в рейхстаге правительство заявляет, что

снижение границы возраста лиц, охваченных страхованием, с 70 до 65 лет, введение хотя бы минимального обеспечения вдов и сирот рабочих, жертв трудовых увечий, и даже пособий для голодающих ветеранов — невозможно с финансовой точки зрения, а буржуазные партии принимают это к сведению. Все пожирает молох милитаризма! Поскольку, однако, государством правят капиталисты, которые для увеличения своих прибылей проводят колониальную политику, влекущую за собой непрерывную гонку вооружений, они не будут платить за это из собственного кармана. Поэтому и деньги на вооружение и на всякие международные авантюры должны предоставить люди, эксплуатируемые капиталом. Миллиарды на гонку вооружений берутся не из налогов на имущество — не у богатых людей, но черпаются из косвенных налогов и пошлин, из сборов, налагаемых на самые необходимые предметы первой необходимости для широких масс, из карманов бедняков. Это вновь подтвердила последняя финансовая реформа, возлагающая на трудящиеся массы новую чудовищную, почти полумиллиардную тяжесть.

Система охранительных пошлин, дороговизна, колониальная политика, гонка вооружений, застой в социальной политике, постоянно возрастающий гнет косвенных налогов и растущая опасность войны — все это связано между собой.

8. РОСТ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ

Самые жизненные интересы вынуждают пролетариат к борьбе, поскольку его экономические запросы находятся в коренном противоречии с экономической политикой капиталистов. Борьба наемных рабочих с капиталом в рамках буржуазного социального строя является, прежде всего, борьбой за участие во вновь созданной трудом стоимости годового общественного продукта. Империалистическая политика имеет, однако, тенденцию к ограничению этого участия, к тому, чтобы сделать невозможным его рост. Она усиливает мощь тяжелой промышленности, в которой господствуют картели и тресты. А это означает также усиление организации предпринимателей по отношению к профессиональным союзам. Все более трудной

становится борьба профессиональных союзов за повышение жизненного уровня именно тогда, когда дороговизна снижает покупательную способность денег, а повышение заработной платы становится необходимым, хотя бы только для выравнивания увеличившейся стоимости жизни. Одновременно экономическая сила предпринимателей, сконцентрированная в картелях и трестах, все более открыто овладевает политической государственной властью, полностью подчиняет своей воле правительство, тормозит социальный прогресс и подчиняет всю администрацию и государственную политику интересам борьбы с профессиональными и политическими организациями рабочего класса.

В области *торговой политики* интересы рабочих требуют прежде всего расширения *внутреннего рынка*. Чем выше заработная плата, тем больше спрос рабочих на товары. Этот спрос вызывает быстрый рост отраслей промышленности, производящих готовые фабрикатy, предоставляющих работу относительно большому числу рабочих. В результате этого усиливается позиция рабочих на рынке труда, растет сила профессиональных союзов, улучшаются перспективы на победу в борьбе за заработную плату. Для предпринимателей, однако, это означает сокращение их прибылей, снижение темпов накопления богатств. Поэтому они и стараются расширить рынок сбыта, но не внутренний, связанный с повышением заработной платы, а внешний, чтобы не отдавать рабочему классу части своих прибылей через заработную плату, а экспортировать ее как капитал за границу. Торговая политика предпринимателcей обращает внимание на внешний рынок, а политика рабочих — на внутренний, что особенно проявляется в *заработной плате*. Капиталисты цепко держатся за политику охранительных пошлин *, которая для рабочих означает дальнейший рост дороговизны, для предпринимателей же облегчение, ускорение и упрочение картелизации, а тем самым эксплуатацию массы внутренних потребителей при помощи монополистических цен. Чем выше охранительная пошлина и чем большую территорию она охватывает, тем выше прибыли монополий и тем острее, однако, становятся противоречия

* Ввозные таможенные пошлины, поддерживающие цены на данные товары на внутреннем рынке на высоком уровне. *Ред.*

между классами капиталистов отдельных государств, тем сильнее их стремление к расширению своей таможенной территории путем стремительной экспансии и к тому, чтобы помешать другим капиталистам в их конкуренции на мировом рынке. Таким образом, система охранительных пошлин становится основой империалистической политики, а борьба за торговую политику приобретает новое, чреватое последствиями значение. Защищая свободную торговлю, рабочий класс борется не только против повышения стоимости своей жизни и против ростовщической эксплуатации потребителей для получения помещиками и магнатами картельных монополистических прибылей. *Борьба против охранительных пошлин — это борьба за сохранение мира.* Направление будущей торговой политики окажет в значительной мере влияние на решение проблемы — мир или война.

Как в торговой политике, так и во всех других областях вырисовываются все более острые противоречия между интересами пролетариата и интересами капиталистов. В области *налоговой политики* пролетариат оказывает все большее сопротивление ростовщической эксплуатации, осуществляемой при помощи системы косвенных налогов*. С этим сопротивлением имущие классы должны все больше считаться. *Против гонки вооружений* пролетариат усиливает неутомимую агитацию, разоблачает истинное содержание националистических фраз, за которыми скрывается жажда прибылей крупных капиталистов. Он борется за введение демократии, требует, *чтобы сам народ* решал проблему: мир или война.

9. БОРЬБА С ОПАСНОСТЬЮ ВОЙНЫ

Все буржуазные партии находятся сегодня в лагере империализма. Не только консервативная и национально-либеральная партии, представляющие интересы помещиков, находящихся в союзе с крупным капиталом, высшей бюрократией и военными кругами, но также и центр, и партия свободомыслящих отказались от какой-либо оппо-

* Налоги, собираемые через искусственное повышение цен на предметы широкого потребления (соль, чай и т. д.). *Ред.*

зиции по отношению к колониальной политике, по отношению к сухопутному и морскому милитаризму. Осуществляя без оговорок пожелания крупного капитала, эти партии предают интересы своих мелкокрестьянских и мелкобуржуазных избирателей, для которых империализм означает только увеличение тягот, лежащих на них,— настолько сильным стало господство сконцентрированного капитала над всеми слоями буржуазии и ее политическими представителями!

Итак, стало быть, пролетариат в борьбе за сохранение мира в принципе одинок. Однако постоянно возрастает не только его экономическое и политическое значение, постоянно растет также и его военное значение, ибо в современной армии во все большей степени преобладает пролетарский элемент. На много важнее, однако, дух армии, энтузиазм, с которым она идет в бой. Дух армии — решающий фактор победы. В современной войне все большее значение приобретает отдельно взятый человек, его стойкость, энергичность, самоотверженность. А эти качества проявляются у солдат тем сильнее, чем больше они будут убеждены в необходимости и справедливости борьбы. Поэтому мнение масс имеет особенно большое значение. Ведение современной войны вопреки воле масс становится все более трудным. Вот по этой причине массы и должны понять существо империализма. Если они научатся распознавать скрытый за империалистическими фразами и националистическими лозунгами смысл этой политики, если они познают капиталистическую жажду прибылей и уяснят себе, на какие жертвы заставляет идти рабочий класс эта политика в мирный период, и в еще более чудовищных размерах в период войны, тогда трудящиеся массы сделаются невосприимчивыми ко всем ловким обманным маневрам империализма, сохранят трезвость, когда всех других одурманит чад национализма. Тогда не удастся правящим классам воспламенить в народе тот боевой дух, без которого они не могут решиться на развязывание войны. Они не смогут на это решиться тем более, что не в состоянии предвидеть, как миролюбивые народные массы будут реагировать на разжигание военного пожара. Послушаем, что сказал об этом правящем классе Бебель во время прений по вопросу о Марокко. Указав на то, что гонка вооружений опасна, что однажды какая-либо из сторон признает лучшим

скорее покончить со страхом, чем терпеть его без конца, Бебель предостерегал буржуазный мир:

«Тогда наступит *катастрофа*. Тогда по Европе раздастся сигнал трубы, зовущей к всеобщему военному походу. На этот зов тот цвет наций, 16—18 миллионов мужчин, вооруженных наиболее совершенными орудиями убийства, двинутся на взаимную резню.

Однако, по моему убеждению, последствием великого всеобщего похода будет *великое фиаско*. Не мы будем его причиной, а сами вы. Вы ставите вопрос на острие ножа, вы ведете дело к катастрофе. То, что сегодня мы испытали в ничтожных размерах, будет вашим уделом во всей своей полноте. Вы почувствуете это на собственной шкуре, будете пожинать то, что посеяли. Наступает *закат богов буржуазного мира*. Будьте уверены, что наступает! Вы уже сегодня дошли до того, что сами подрываете ваш собственный общественный и государственный строй, сами стали его могильщиками. Каковы же будут последствия? За войной кроются массовое банкротство, массовая нищета, массовая безработица и *великий голодный крах*. (Возражения с мест правых.) Вы хотите это оспаривать? Каждый, кто объективно смотрит на вопрос, знает, что мои утверждения справедливы. Ибо к чему уже привел этим летом мелкий марокканский вопрос? К известному нашествию на сберегательные кассы, к падению курса всех ценных бумаг, к панике в банках! Но это было лишь маленькое испытание, которое по сравнению с тем, что может произойти, ничто! А что может случиться, если произойдут серьезные события? Тогда дело дойдет до такого положения, которого вы, разумеется, не хотите, но которое должно наступить, повторяю, не по нашей, а по вашей вине. Сделайте вывод из этого предостережения!»

Страх перед социальной революцией, страх перед социалистическим пролетариатом, — вот что составляет ныне самую надежную гарантию мира. Не будь этого страха перед своими наследниками, буржуазный мир давно бы уже разжег военное безумие.

Поэтому-то самой важной задачей пролетариата становится постоянная бдительность по отношению к внешней политике буржуазии. На каждую попытку развязать войну пролетариат должен отвечать проявлением своей воли к сохранению мира, мощными демонстрациями меж-

дународной солидарности, он должен противопоставить свою международную сплоченность национальным раздорам буржуазии. Одновременно парламентское представительство пролетариата, постоянно поддерживаемое действиями масс вне парламента, должно напрячь все силы в целях ограничения абсолютизма во внешней политике, должно бесстрашно и решительно выступать против всяких националистических нападков.

Наряду с этим, однако, постоянно и непрерывно продолжается борьба пролетариата с империалистической политикой. Мы знаем, что гонка вооружений может стать прямой причиной войны. Пролетариат всегда боролся против политики вооружений. Он постоянно выступал против всякого увеличения численности сухопутных войск и флота, он добивался превращения постоянной армии в народную армию, чтобы армия из возможного орудия агрессии стала исключительно орудием обороны, из орудия классового господства — в движущую силу освобождения. Флот уже давно перерос свои задачи обороны побережья, давно уже стал орудием капиталистического колониального грабежа. Непрерывное увеличение его все более углубляет антагонизм между Англией и Германией и составляет непосредственную опасность. Поэтому мы требуем, в качестве предварительного предупреждающего начала, заключения *международной конвенции об ограничении морских вооружений* и отмены варварского права морских призов, усиливающего ужас войны дополнительным бедствием голода. Требованию постоянного увеличения вооружений, выдвигаемому господствующими классами, мы противопоставляем неустанную агитацию за ограничение бремени вооружений, за предназначение налоговых поступлений на цели социальной и культурной политики. Борясь за эти требования, мы показываем господствующим классам путь выхода из их военной политики. Если господствующие классы не пойдут этим путем, то *они сами будут ответственны за последствия.*

Борясь повсюду с империалистической политикой, мы наиболее резко противопоставляем себя господствующим классам. Их шовинизму мы противопоставляем манифестацию нашей международной солидарности, их политике экономического сепаратизма и таможенных барьеров — требование свободы международных экономических отноше-

ний, их политике колониальных захватов и насилия, их бегству от социализма каждый раз в новые районы эксплуатации мы противопоставляем борьбу за полную ликвидацию капиталистической эксплуатации.

10. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Таким образом, в эпоху империализма противоречия между пролетариатом и буржуазией еще более усиливаются. *Классовые противоречия обостряются*, экономическая и политическая борьба растет и набирает силу, борьба идет за все более значительные и серьезные задачи. Капитализм достиг высшей стадии своего развития. Капитал подчиняет себе все силы и средства общества. Он навязывает производству организацию картелей и трестов, объединяет свои силы в союзы предпринимателей, при помощи своих организаций овладевает политическими партиями и правительствами, а государственную власть превращает в покорное орудие своей политики эксплуатации внутри страны и политики экспансии вне страны. Капитал сознательно концентрирует все экономические силы нынешнего общества, но не в интересах общества, а в целях усиления до высшего предела эксплуатации этого общества. Но именно потому, что положение так ясно и очевидно, оно не сможет долго продолжаться. Действия класса капиталистов, которому концентрация средств производства принесла возрастающее единство воли и деятельности, вызывают контрдействия рабочего класса, который должен уяснить себе свою мощь, чтобы сделаться непобедимым.

Чем более, однако, возрастает единство действий господствующих классов, чем более все их мероприятия концентрируются вокруг *одной цели*, которая сводится к бегству от социализма в новые районы эксплуатации, тем также теснее переплетаются между собой все отдельные политические проблемы, тем лучше должен рабочий класс понимать взаимозависимость всех отдельных проблем и уяснить себе, что идет борьба *не на жизнь, а на смерть*, что только завоевание пролетариатом политической власти может положить конец этой фазе капитализма.

Таким путем борьба с империализмом все более перерождается в *решающую борьбу между капиталом и трудом*.

Опасность войны, дороговизна и капитализм, с одной стороны, мир, благосостояние для всех и социализм, с другой,— вот как стоит вопрос. Мы находимся перед лицом великих событий. Пролетариат должен неустанно трудиться над осуществлением своих исторических задач, увеличивать силу своей организации и повышать свою сознательность. Что бы тогда ни произошло, удастся ли силам пролетариата избавить человечество от ужасных жестокостей мировой войны, или же этот капиталистический мир исчезнет из истории так же, как он и родился — в крови и насилии,— исторический момент застанет рабочий класс в состоянии готовности, а *готовность решает все*.

*Перевод с польского сделан по
тексту книги: Ю. Мархлевский.
Избранные сочинения, том II,
Варшава, 1956, стр. 471—494*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ЗА ЧТО И КАК ВОРОТЬСЯ?	13
Вступление	13
1. За что борется рабочий класс?	14
2. Экономическая борьба	16
3. Политическая борьба	17
4. Борьба за освобождение рабочего класса в российском государстве	24
5. Как рабочий класс боролся до сих пор с царизмом и что он от этого выиграл?	35
6. Русско-японская война и борьба с царизмом	45
7. Требования рабочего класса	52
ИМПЕРИАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?	57
1. Экономические и социальные изменения	57
2. Экономическая политика империализма	61
3. Капиталистическая экспансия	63
4. Идеал империализма	65
5. Империалистическая политика насилия	67
6. Англия и Германия	70
7. Империализм и внутренняя политика	73
8. Рост противоречий между капиталом и трудом	75
9. Борьба с опасностью войны	77
10. Борьба за власть	81

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ
ЗА ЧТО И КАК БОРОТЬСЯ?
ВЫПУСК 46

Редактор *Л. Г. Барулина*

Перевел с польского *Н. В. Масленников*

Оформление художника *Н. К. Байгодорова*
Технический редактор *Н. Н. Лебедева*
Ответственные корректоры
Л. М. Дригова и *А. Л. Коробова*

Сдано в набор 5 мая 1959 г. Подписано к печати 8 июля 1959 г. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Физ. печ. л. 2²/₈. Условн. печ. л. 4,3. Уч.-изд. л. 4,03. Тираж 55 тыс. экз. А-05226.
Заказ № 412. Цена 1 руб.

•
Государственное издательство
политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

•
Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

1 руб.

5к.